И
118
138

ОБОРОНА

СЕВАСТОПОЛЯ

шкафъ 6
полка III.
№ 74.
н.к. N50.

3И

4

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

И 118/138

ОБОРОНА

СЕВАСТОПОЛЯ.

ВОЕННЫЯ ДУМЫ.

Das Kapital der Verstandeskräfte ist bei jedem Individuum schwach, und die Menschen werden immer wohlthun, die allgemeine Bank und die öffentlichen Fonds der Nationen und der Jahrhunderte zu ihrem Vortheil zu benutzen.

Bunke.

Перевелъ съ нѣмецкаго

Я. ТУРУНОВЪ,

Ученый Секретарь Военно-Ученаго Комитета.

ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.

31-72395

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1857.

Съ разрѣшенія Военно-Ученаго Комитета отпечатано отдѣльными оттисками изъ *Военнаго Журнала*.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, августа 22-го дня 1857 года.

Цензоръ *Д. Мацкевичъ*.

ДОБЛЕСТНЫМЪ

ЗАЩИТНИКАМЪ СЕВАСТОПОЛЯ

УСЕРДНОЕ ПРИНОШЕНІЕ

ПЕРЕВОДЧИКА.

Не льзя пожаловаться на недостатокъ въ сочиненіяхъ, на иностранныхъ языкахъ, о послѣдней войнѣ, въ особенности о событіяхъ на Крымскомъ Полуостровѣ: число книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей объ этомъ предметѣ возрастаетъ быстро; но должно сознаться по сущей справедливости, что немногія изъ нихъ отличаются духомъ благороднаго безпристрастія и основательнымъ знаніемъ дѣла. Къ числу такихъ немногихъ достойныхъ матеріяловъ для будущаго историка войны Россіи съ четырьмя государствами должно отнести брошюру скрывшаго, къ сожалѣнію, свое имя автора, напечатанную въ прошломъ году въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ: *Militairische Betrachtungen über die Vertheidigung von Sebastopol.* По самому объему своего труда, авторъ не имѣлъ въ виду описывать во всей подробности ходъ достопамятной въ лѣтописяхъ міра обороны; онъ изложилъ только свои мысли объ этомъ великомъ событіи въ связи съ важнѣйшими вопросами военнаго искусства, и не поколебался высказать отъ полноты души свое глубокое сочувствіе и восторженное удивленіе къ безпримѣрнымъ подвигамъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя. Берлинская *Военно-Литературная Газета (Militair-Literatur-Zeitung),*

извѣстная своею строгою правдивостію, отдавая отчетъ объ этой брошюрѣ, говоритъ: «Не праздным* думамъ предавался авторъ; его побудило взяться за перо намѣреніе разсмотрѣть, въ поученіе другимъ, осаду Севастополя, не подходящую ни подъ одну рубрику изъ извѣстныхъ донынѣ, по учебнымъ теоріямъ, осадъ. Мы обязаны ему тѣмъ бо̀льшею благодарностію за трудъ его, написанный столько же остроумно, сколько и съ знаніемъ дѣла, что распространяющіяся средства сообщенія дадутъ, конечно, новый оборотъ осадной войнѣ вообще, хотя, быть можетъ, и не повторятся совершенно исключительныя обстоятельства, преобладавшія при осадѣ Севастополя. Основная мысль автора слѣдующая: «Не линіи защищаютъ крѣпости, а люди и пушки, и потому должно заботиться, чтобы въ послѣднихъ не было ни качественнаго, ни количественнаго недостатка.» Разсматривая оборону Севастополя, авторъ приводитъ неопровержимое доказательство, что только послѣдованіе этому правилу сдѣлало возможнымъ отстаивать укрѣпленный городъ въ продолженіе *одиннадцати* мѣсяцевъ противъ атаки, веденной съ неслыханными дотолѣ средствами, тогда какъ, по разсчету доктринеровъ, Севастополю надлежало бы сдаться на *одиннадцатый* день.»

Полагаю, что переводъ на русскій языкъ такого сочиненія будетъ не безполезнымъ матеріяломъ для исторіи послѣдней войны и для теоріи военнаго искусства.

Я. Т.

I.

Борьба на южной сторонѣ Севастополя есть, безспорно, самое громадное событіе, какое только извѣстно въ исторіи осадныхъ войнъ.

Франція посылаетъ сотни тысячъ своихъ лучшихъ войскъ въ Крымъ; Англія почти весь свой флотъ; Турція должна выставить сильный контингентъ, и наконецъ у Сардиніи вынуждаютъ нѣсколько дивизій. Эти арміи снабжены осаднымъ паркомъ, сила котораго по числу, по калибру орудій и по усовершенствованію вдесятеро превосходила количество артиллеріи, которое дотолѣ было употребляемо на твердой землѣ при какой либо осадѣ. И столь необъятной силѣ южная сторона Севастополя сопротивлялась одиннадцать мѣсяцевъ. Если бы Русскіе имѣли въ виду единственно удержать за собою городъ, то, навѣрное, прошли бы многіе мѣсяцы, прежде нежели союзники овладѣли бы имъ. Еще существовали оборонительныя учрежденія, одолѣть которыя было бы, конечно, не менѣе трудно, какъ и первою линіей, которая была прорвана лишь на одномъ пунктѣ. Но Русскіе защищали въ южной части Севастополя только флотъ и арсеналы, и когда уже не могли спасти ихъ отъ истребленія непріятельскимъ огнемъ, то добровольно очи-

стили укрѣпленный городъ, оборона котораго пребудетъ на вѣчныя времена однимъ изъ достославнѣйшихъ подвиговъ русской арміи.

Если крѣпость, съ гарнизономъ и вооруженіемъ, въ допускаемыхъ обыкновенно размѣрахъ, выдерживаетъ шести или восьми-недѣльную осаду, предпринятую съ достаточными средствами, то и въ такомъ случаѣ она должна имѣть довольно значительную силу сопротивленія. Потому надлежало бы думать, что южная сторона Севастополя была, по своимъ укрѣпленіямъ, превосходною во всѣхъ отношеніяхъ крѣпостію, ибо сила сопротивленія крѣпости оцѣнивается всегда по тому, какія препятствія противопоставляютъ атакующему построенные верки. Есть даже такіе искусники въ фортификаціи, которые по числу и расположенію верковъ расчитываютъ, сколько дней можетъ держаться крѣпость. Эти доктринеры въ инженерномъ искусствѣ, если пріобрѣтутъ гдѣ вліяніе, могутъ нанести такой же важный вредъ, какой причиняютъ товарищи ихъ въ политикѣ. Если бы подобнымъ людямъ показали южную сторону Севастополя въ сентябрѣ 1854 года, они не дали бы ей и одиннадцати дней срока до паденія.

Когда союзники произвели высадку въ Крыму, укрѣпленія южной стороны Севастополя ограничивались почти одною стѣною, съ амбразурами, усиленною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оборонительными башнями изъ известковаго камня. Подобная укрѣпленная линія отнюдь не можетъ выдержать формальную осаду; она могла лишь служить, по наибольшей мѣрѣ, обороною противъ внезапнаго нападенія (coup de main), предпринятаго съ небольшими силами.

Здѣсь невольно представляется вопросъ: почему бла-

женной памяти Императоръ Николай Павловичъ, придававшій столь важное значеніе Севастополю, не обезопасилъ южной стороны этого города болѣе значительными укрѣпленіями?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма простъ. Севастопольская гавань долженствовала служить операціонною базою русскому черноморскому флоту. Положеніе ея очень хорошо способствуетъ тому. Необходимо было, слѣдовательно, построить такія укрѣпленія, которыя защищали бы гавань отъ непріятельскаго нападенія, а этого нападенія надлежало ожидать преимущественно съ моря. Что укрѣпленія вполнѣ соотвѣтствовали сей цѣли, достаточно доказано новѣйшими событіями: союзная армада не рѣшилась на вторую борьбу, и даже по паденіи южной стороны непріятельскій флотъ не могъ овладѣть гаванью. Формальной же атаки съ суши едва ли можно было ожидать, судя по положенію Севастополя.

До тѣхъ поръ, пока Дарданеллы были заперты для военныхъ судовъ всѣхъ націй, Севастополь, какъ крѣпость, могъ имѣть значеніе только при войнѣ съ Турціей, если бы Турція должна была принять сторону враговъ Россіи. Но въ такомъ случаѣ казалось болѣе нежели невѣроятнымъ, что Крымъ будетъ избранъ театромъ войны. Если бы даже, какъ случилось въ наше время, Франція и Англія соединились съ Турціей, то нельзя было бы и подумать о подобной атакѣ; но политика Австріи отрѣзала Русскимъ упрежденіе (initiative) и овладѣла главнымъ театромъ войны.

Конечно, въ случаѣ войны, Россія всегда должна была предвидѣть, что внезапно можетъ высадиться корпусъ и атаковать Севастополь съ суши для истребленія сосредоточенныхъ тамъ огромныхъ запасовъ. Подобной высадкѣ,

если мѣсто ея неизвѣстно, нельзя, разумѣется, воспрепятствовать; успѣхъ ея гораздо вѣрнѣе, нежели переправа черезъ какую нибудь рѣку. Но противъ внезапнаго нападенія южная сторона Севастополя была предохранена; по крайней мѣрѣ она могла держаться до тѣхъ поръ, пока не подоспѣла бы назначенная для прикрытія Крыма армія, если бы непріятельскій корпусъ высадился на такомъ мѣстѣ, откуда нельзя было бы воспрепятствовать движенію его къ крѣпости.

Соображенія эти служили, вѣроятно, исходною точкою при укрѣпленіи Севастополя. Построенныя, вслѣдствіе того, укрѣпленія были бы совершенно достаточны, если бы дѣла не приняли неожиданнаго оборота. Допустимъ, что, весною 1855 года, русская армія перешла бы за Дунай: сколько войска могла бы противопоставить имъ Турція? Тогда, вѣроятно, очень скоро прекратилась бы и осада Севастополя. Союзники, конечно, овладѣли южною стороною этого города, но Австрія усердно помогла имъ въ томъ, прикрывъ Турцію отъ нападенія.

Западныя державы и союзники ихъ, видя обезпеченными себя съ этой стороны, могли съ бо́льшею увѣренностію предпринять нападеніе на Севастополь. Россія, какъ и вся Европа, знала, что это нападеніе совершится, и потому покажется удивительнымъ, что войска, сосредоточенныя въ Крыму, были такъ малочисленны. Оставляемъ безъ рѣшенія вопросъ, представлялась ли возможность усилить ихъ, до момента высадки, какими–нибудь 20,000 человѣкъ; Русскіе полагали, что войскъ въ Крыму было достаточно. Мнѣніе свое они основывали, вѣроятно, на томъ, что нельзя было посадить на суда и высадить одновременно болѣе 30—40,000 человѣкъ, и это мнѣніе раздѣляли съ ними едва ли не всѣ военные люди.

И такъ, если тутъ была ошибка, то ошибка весьма извинительная; стоитъ только вспомнить объ огромныхъ приготовленіяхъ къ экспедиціи въ Алжиръ, въ 1830 году. Чрезвычайное же вліяніе силы паровъ на подобныя предпріятія еще не было оцѣнено во всемъ его объемѣ.

Когда союзники высадились на берега Крыма въ числѣ 70,000 человѣкъ, и князь Меншиковъ, со своими слабыми силами, не могъ остановить наступленія ихъ къ Севастополю, величайшая опасность угрожала южной сторонѣ города и находившимся тамъ арсеналамъ и флоту. Укрѣпленія были вовсе не таковы, чтобы противиться долго внезапной атакѣ столь значительной арміи, и въ добавокъ гарнизонъ былъ весьма малочисленъ.

Вице-адмиралъ Корниловъ, мужъ въ высшей степени рѣшительный, не видя болѣе спасенія для флота, предложилъ на обсужденіе военнаго совѣта вопросъ: «какъ флотъ, оставшись въ гавани, долженъ погибнуть, то не лучше ли выйти въ море и распространить ужасъ до Константинополя, и, въ случаѣ встрѣчи съ превосходными силами Англичанъ, вступить въ бой на жизнь и смерть?»

Геройское предложеніе адмирала Корнилова тѣмъ не менѣе подвергало флотъ, дѣйствительный предметъ обороны, вѣрной и быстрой гибели. Младшіе командиры судовъ единодушно возстали противъ такой мысли. «Справедливо»—сказали они — «мы рѣшились опровергнуть на самомъ дѣлѣ насмѣшки Англичанъ надъ нами и надъ нашимъ флотомъ; никто изъ насъ не сдастся; скорѣе мы погибнемъ, нежели опустимъ флагъ. Но наше самопожертвованіе въ морской битвѣ или въ отчаянной экспедиціи было бы безъ цѣли, не принесло бы пользы и не спасло бы Севастополя. Принесемъ лучше эту жертву

здѣсь, на родинѣ нашего флота, и докажемъ наше мужество тѣмъ, что станемъ защищать ввѣренную намъ крѣпость.»

Это предложеніе было принято съ восторгомъ, и исполненіе его представило русской арміи случай къ оборонѣ, безпримѣрной въ военной исторіи.

Прежде всего поспѣшили приступить къ защитѣ города.

Севастопольскіе верки, какъ сказано, не могли рѣшительно оказать сопротивленія формальной атакѣ, главнѣйше уже потому, что или вовсе не представляли возможности, а если и представляли, то въ малой степени, употребить въ дѣло значительное число имѣвшихся на лицо орудій. Надлежало прежде насыпать валы, построить батареи, вырыть рвы. Для производства этихъ работъ оставалось весьма короткое время; ежедневно можно было ожидать появленія непріятеля передъ городомъ.

Разсказываютъ, что въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ подполковникъ Тотлебенъ вызвался привести верки въ надлежащее оборонительное состояніе черезъ десять дней, вмѣсто шести недѣль, какъ требовалъ другой инженеръ. Не знаемъ, справедливы ли эти разсказы; дѣло въ томъ, что Тотлебенъ руководилъ построеніемъ оборонительныхъ верковъ, и, судя по тогдашнему его чину, надобно думать, что данное ему порученіе завѣдывать сими работами могло быть слѣдствіемъ сдѣланнаго имъ вызова. Это служитъ доказательствомъ, какъ оцѣниваются въ Россіи истинныя дарованія. Въ большей части арміи, подобнаго офицера посадили бы подъ арестъ за самопадѣянность и за неуваженіе къ мнѣніямъ старшаго по службѣ.

Разумѣется само собою, что всѣ укрѣпленія могли имѣть лишь временной характеръ. Передъ стѣною вырыли

ровъ, размѣры котораго, по недостатку времени, не могли быть велики. Въ иныхъ мѣстахъ, каменистая подпочва и вовсе не позволяла заложить рва. За городскою стѣною насыпали валъ съ брустверомъ, и на нѣкоторыхъ господствующихъ точкахъ были построены батареи.

Если подумаемъ, какъ много нужно времени для построенія крѣпости, и примемъ во вниманіе короткій срокъ, которымъ можно было воспользоваться для упомянутыхъ работъ въ Севастополѣ, то не можемъ не прійти въ величайшее удивленіе, какъ подобная крѣпость могла сопротивляться одиннадцать мѣсяцевъ атакѣ, предпринятой несмѣтными силами.

II.

Въ высшей степени любопытно и поучительно для отдаленныхъ временъ разсмотрѣть причины, которыми былъ достигнутъ столь блистательный результатъ. Весьма многіе будутъ, конечно, того мнѣнія, что не пастало еще время вдаваться въ подобныя изслѣдованія, но что прежде надобно дождаться точныхъ данныхъ обо всемъ происходившемъ, и тогда произнести справедливый приговоръ.

Для тѣхъ, которые ищутъ не того, чего ищемъ мы, такое мнѣніе можетъ быть и основательно. Намъ же кажется прежде всего необходимымъ изслѣдовать главныя побудительныя причины, которыя уже теперь обнаружены офиціальными извѣстіями. Позже, картина эта утратитъ, статься можетъ, свой ясный очеркъ отъ чрезвычайнаго множества подробностей; по крайней мѣрѣ, будетъ труднѣе разсмотрѣть на ней главные предметы. Вся ученость и весь педантизмъ инженеровъ бросятся тогда на изученіе журналовъ и чертежей; станутъ вычислять, что если бы та или другая

линія была на столько–то длиннѣе, тотъ или другой уголъ на столько–то острѣе или тупѣе, та или другая батарея была вооружена пушками иного калибра, — коротко сказать, если бы тысячи другихъ мелочей были въ иномъ видѣ, то оборона продлилась бы вѣроятно столькими–то днями и часами болѣе, или атака пріобрѣла бы столькими–то футами больше мѣстности. Не споримъ, что наука много можетъ выиграть отъ такихъ разсужденій, но не то имѣемъ мы въ виду. Легко случится, что ради этихъ мелочей забудутъ существенное, а это, къ сожалѣнію, часто бываетъ въ инженерномъ искусствѣ.

Оборона южной стороны Севастополя должна и будетъ имѣть огромное вліяніе на тактическое значеніе крѣпостей, и, при надлежащемъ ея обсужденіи, уничтожитъ многія старыя и новыя мечты.

Прежде всего надобно отвѣчать на вопросъ:

«Начертаніе южной стороны Севастополя было ли такого рода, что могло благопріятствовать столь продолжительной оборонѣ?»

Въ начертаніи инженеры полагаютъ главное достоинство, и справедливо: начертаніе есть форма, въ которой совершается расположеніе дѣйствующихъ средствъ крѣпости къ оборонѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ оно условливаетъ ихъ употребленіе.

На основаніи этого правила, для каждой особой части мѣстности, при извѣстныхъ данныхъ силахъ, должно было бы существовать лишь одно начертаніе, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы требованіямъ. Опредѣлитъ лишь это начертаніе было бы преимущественно дѣломъ тактики, при чемъ надлежало бы принять въ соображеніе и тѣ измѣненія мѣстности, которымъ помогаетъ инженерное искусство. Къ сожалѣнію, тактики, и вообще люди военные, занимались

весьма мало, или почти вовсе не занимались, фортификаціей, особенно долговременной. Эта, безспорно, самая существенная часть военныхъ наукъ, важное вліяніе которой на веденіе войны оказалось столь разительнымъ въ новѣйшее время, находится больше въ рукахъ архитекторовъ, и только недавно сдѣлана попытка обратить строителей крѣпостей въ людей военныхъ. Франція подала въ этомъ благой примѣръ: тамъ требуютъ прежде всего, чтобы инженеръ былъ солдатомъ, и многіе лучшіе французскіе генералы, стоящіе нынѣ въ главѣ арміи, вышли изъ инженернаго корпуса. Смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе, что именно архитекторы въ особенности способны быть инженерами, или что инженерные офицеры должны быть только хорошими каменщиками и плотниками. Послѣ этого можно сказать, что сапожники, портные и ружейные мастера могутъ быть отличными пѣхотными офицерами, или, по крайней мѣрѣ, что способные пѣхотные офицеры должны умѣть хорошо шить сапоги и платье.

Вредныя послѣдствія такого мнѣнія не могли не обнаружиться. Остроумные и скудоумные инженеры, сидя въ комнатѣ, выдумывали на бумагѣ системы, основанныя на извѣстныхъ, часто ложныхъ, данныхъ, и по готовымъ образцамъ строили и до сихъ поръ строятъ крѣпости. На мѣстность, главную всему основу, или мало или нисколько не обращали вниманія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи чертежа. Изобрѣтатели подобныхъ системъ, если они не были людьми военными, какъ Вобанъ, впадали часто въ грубѣйшія ошибки; меньше всего думали они о мѣстности, чтобы привести построенные верки въ возможно бо́льшее согласованіе съ заранѣе готовыми образцами. Общая форма крѣпости опредѣлялась большею частію формою города, частная—утвержденною системою, и послѣдняя служила главнымъ мѣриломъ силы крѣпости.

Не удивительно, что всѣ газеты заговорили о новой системѣ, употребленной Тотлебеномъ въ Севастополѣ, системѣ, на которой основывалась значительная сила сопротивленія этой крѣпости. Нѣкоторые, опираясь на существованіе каменной башни, утверждали, что въ Севастополѣ была примѣнена такъ называемая современная германская фортификаціонная система, и готовы были приписать этой башнѣ главную роль въ оборонѣ. Но изъ всѣхъ системъ, заключающихся въ учебныхъ руководствахъ, ни одна не была употреблена въ Севастополѣ; укрѣпленія были построены просто по системѣ здраваго человѣческаго смысла, конечно лучшей, но и самой трудной въ примѣненіи, потому что ее нельзя подготовить заранѣе: она соотвѣтствуетъ единственно обстоятельствамъ. Узнать и вѣрно постигнуть эти обстоятельства можетъ только здравый человѣческій смыслъ, который встрѣчается весьма рѣдко, хотя, конечно, весьма многіе воображаютъ, что обладаютъ имъ.

Здравый смыслъ или способность, понимать отношенія сообразно съ ихъ свойствомъ, есть плодъ духовной силы, дарованной человѣку Богомъ, и духовной пищи, принятой и переваренной человѣкомъ. Между тѣмъ какъ большая часть людей стараются приноровлять тѣлесную пищу къ своимъ потребностямъ и къ своему тѣлу, между тѣмъ какъ съ величайшими усиліями анализируютъ тѣлесный кормъ относительно его удобоваримости, никто не обращаетъ вниманія на условія и на количество духовной пищи. Умственное пищеваренie не обнаруживается такъ болѣзненно, какъ физическое; даже ядъ, воспринимаемый умомъ, не можетъ умертвить ума. Сколь немногіе, весьма немногіе умѣютъ выбирать себѣ духовную пищу и давать ей извѣстную мѣру! Вотъ почему такъ рѣдокъ здравый человѣческій смыслъ, почему такъ усиливаются душевные недуги, хотя и не всегда

являются они въ видѣ помѣшательства или сумасшествія. Бываютъ, конечно, минуты, когда душевные недуги обнаруживаются именно въ этомъ видѣ и когда почти цѣлыя страны уподобляются дому умалишенныхъ.... Тутъ поможетъ развѣ одна смирительная куртка.

Даже въ военныхъ наукахъ часто оказывается недостатокъ въ здравомъ человѣческомъ смыслѣ, и здѣсь, какъ вездѣ, опаснѣйшіе враги ихъ суть доктринеры, ученія которыхъ основаны на больныхъ, неудобосваримыхъ идеяхъ.

Если бы тотчасъ послѣ сраженія на Альмѣ захотѣли укрѣпить Севастополь по какой нибудь системѣ, то весьма вѣроятно, что едва успѣли бы обозначить одно начертаніе. Но на обстоятельства былъ брошенъ вѣрный взглядъ, и сообразно съ ними приняты оборонительныя мѣры. При краткости времени, остававшагося на работы, надлежало естественно сообразоваться, по возможности, съ существовавшими укрѣпленіями. Это было тѣмъ удобнѣе, что при заложеніи ихъ весьма хорошо воспользовались мѣстностію; насыпанный за стѣною валъ съ брустверомъ получилъ такое положеніе, посредствомъ котораго поставленныя на немъ орудія могли сильно обстрѣливать всю предлежавшую мѣстность. На господствующихъ пунктахъ возникли изъ–за стѣны верки, названные бастіонами; ихъ было шесть, и, по расположенію своему на этихъ пунктахъ, они долженствовали служить исходною точкою главной обороны. Верки эти не были снабжены непрерывнымъ правильнымъ рвомъ; онъ находился лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сколько то позволяло болѣе глубокое покрытіе каменистой почвы слоемъ земли. Всѣ земляные валы имѣли широкіе валганги, на которыхъ были помѣщены орудія самаго большаго калибра. Для лучшаго прикрытія ихъ, устроили на валгангахъ, сколько позволяли время и средства, навѣсы изъ крѣп-

каго дерева; кромѣ того, внутри валгановъ, сдѣланы были изъ балокъ, засыпанныхъ землею, надежные блиндажи, въ которыхъ могли укрываться отъ бомбъ люди, не находившіеся на службѣ, но бывшіе въ резервѣ. Не только бастіоны были уставлены орудіями, но даже между ними, за нѣкоторыми частями стѣны, возведены батареи такого же устройства, какъ сейчасъ сказано.

Прикрытаго пути вовсе не было, но Русскіе постарались замѣнить его. Въ 200—400 шагахъ передъ своими верками, устроили они, смотря по мѣстности, рядъ такъ называемыхъ стрѣлковыхъ рвовъ, которыя отчасти были дѣйствительно рвы, образовавшіе къ сторонѣ непріятеля брустверъ, отчасти кучи изъ наваленныхъ камней, для чего воспользовались давно существовавшими тамъ каменоломнями. Возводя такіе верки, Русскіе хорошо понимали, что, при подобныхъ обстоятельствахъ, одна пассивная оборона была бы недостаточна; потому они устроили свои укрѣпленія такъ, что могли дебушировать быстро съ значительными силами, и съ этою цѣлію оставили въ стѣнѣ отверстія, которыя, разумѣется, были маскированы.

Но всѣ эти укрѣпленія не могли быть возведены окончательно, когда союзники появились на южной сторонѣ Севастополя; отчасти они возникли во время самой осады.

Вотъ какова была крѣпость, провозглашенная вторымъ Гибралтаромъ, а, между тѣмъ, всякій безпристрастный человѣкъ долженъ согласиться, что она лишь весьма мало соотвѣтствовала тѣмъ условіямъ, которыхъ обыкновенно требуютъ отъ крѣпости. Укажемъ здѣсь на самые главные недостатки: они должны были обнаружиться при осадѣ, и ихъ надобно избѣгать даже при простѣйшемъ начертаніи, потому что они чрезвычайно облегчаютъ атаку и весьма затрудняютъ оборону.

Одно изъ существенныхъ условій, требуемыхъ отъ крѣпости, то, чтобы она выдержала сильную атаку.

Южная сторона Севастополя не выполняла этого условія: ровъ былъ узокъ и имѣлъ малую глубину, а на большихъ пространствахъ его и не существовало; стѣна не имѣла достаточной высоты, чтобы быть безопасною отъ штурма, и во многихъ мѣстахъ въ ней могла быть пробита брешь издали; рвы почти нисколько не были фланкированы. Это крайне затрудняло службу гарнизона и поглощало огромное количество силъ, потому что масса расположенныхъ на укрѣпленіяхъ войскъ долженствовала возмѣщать собою упомянутые недостатки.

Вторая невыгода для обороны, слѣдовательно выгода для атаки, была та, что свойство верковъ позволяло осаждающему идти на штурмъ, не производя самыхъ трудныхъ, самыхъ продолжительныхъ и самыхъ опасныхъ наступательныхъ работъ, которыя обыкновенно требуютъ гораздо больше времени, нежели вся остальная осада. Мы причисляемъ сюда вѣнчаніе гласиса, возведеніе брешь и контръ–батарей, закрытые спуски, переходы черезъ рвы и т. п. При всѣхъ этихъ работахъ преобладаютъ выгоды обороны, и нельзя не понять, какъ могли бы онѣ быть кончены при блистательной храбрости Русскихъ и при тѣхъ превосходныхъ распоряженіяхъ, которыя обнаруживались въ продолженіе всей борьбы.

Другая невыгода для обороны была непмѣніе прикрытаго пути — недостатокъ особенно чувствительный для сильнаго и мужественнаго гарнизона, вводящаго въ оборону столь многія наступательныя стихіи.

Наконецъ, гарнизонъ не имѣлъ безопасныхъ отъ бомбъ укрытій, и потому долженъ былъ, при ужасномъ бомбардированіи, нести весьма значительный уронъ, тѣмъ болѣе

значительный, что верки, по самому свойству своему, требовали постоянно присутствія большаго числа войскъ.

Можно было бы указать и на другія, болѣе или менѣе важныя неудобства, чрезвычайно затруднявшія борьбу для осажденныхъ; но это исчисленіе перешло бы за предѣлы нашего очерка. Изъ всего сказаннаго можно впрочемъ видѣть, что южная сторона Севастополя отнюдь не была не только сильною, но даже и посредственною крѣпостію, и что, слѣдовательно, не здѣсь слѣдуетъ искать причину достославнаго сопротивленія Севастополя.

III.

Прежде всего, естественно, представляется вопросъ: чѣмъ же объяснить столь поразительное явленіе, недостаточностію ли средствъ осаждающихъ, или ихъ дурными распоряженіями? На этотъ вопросъ не льзя отвѣчать коротко. Отношеніе между атакою и обороною было въ разные моменты различно.

Если союзники, какъ они очевидно расчитывали, хотѣли взять Севастополь разомъ, то немедленно по прибытіи своемъ къ южной сторонѣ имѣли бы, можетъ быть—говоримъ *можетъ быть*—надежду на успѣхъ форсированной атаки. Гарнизонъ былъ слабъ, впечатлѣніе объ альмской битвѣ свѣжо, верки далеко не кончены и не вполнѣ вооружены. Спустя недѣлю, обстоятельства перемѣнились: уже нельзя было рѣшиться на открытое нападеніе по причинѣ усиленнаго гарнизона и значительнаго числа поставленныхъ орудій, а для веденія правильной атаки средства союзной арміи были далеко недостаточны. Союзники увидѣли себя въ необходимости зимовать; между тѣмъ силы уравновѣсились. Но весною осада началась съ такими громадными средствами, какія еще никогда не были употребляемы для

покоренія крѣпости. Число войскъ было не только достаточно, но и позволяло приносить чувствительныя жертвы, чтобы исполнить приказаніе, переданное изъ Парижа, не опасаясь ослабить тѣмъ силы для продолженія осады....

Что же касается до артиллерійскаго вооруженія, то, по размѣрамъ своимъ, оно не имѣло себѣ подобнаго ни въ одной сухопутной войнѣ. Довольно припомнить, что, послѣ порчи многихъ сотъ пушекъ, дѣйствовали еще въ послѣдніе моменты *восемь сотъ* тяжелыхъ орудій. То количество снарядовъ, которое было потреблено батареями осаждающихъ, считалось доселѣ достаточнымъ для покоренія *двадцати* крѣпостей.

И такъ, союзники имѣли всѣ средства продолжать борьбу, и недостатку въ способахъ не льзя рѣшительно приписать, почему западныя арміи должны были употребить *одиннадцать* мѣсяцевъ на покореніе южной части Севастополя.

Остается разсмотрѣть, какъ была ведена атака. Обращая вниманіе на дѣйствія союзниковъ отъ высадки ихъ до движенія къ Балаклавѣ, мы, для оцѣнки ихъ, можемъ только согласиться съ мнѣніями, высказанными въ двухъ сочиненіяхъ Рюстова: *Der Angriff auf die Krimm* и *Der Krieg gegen Russland*. Въ этомъ періодѣ являются важнѣйшія ошибки союзниковъ; но мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ тактическими отношеніями. Въ сочиненіи *Der Krieg gegen Russland* представлена ясная картина осады, а изъ нея не видно, чтобы осада Севастополя была замедлена крайне ошибочнымъ направленіемъ осадныхъ работъ: во всякомъ случаѣ, ошибки были не такого рода, чтобы избѣжаніемъ ихъ могъ быть достигнутъ скорѣйшій успѣхъ. Кромѣ того, надобно принять въ соображеніе, что французскіе инженеры принадлежатъ, относительно крѣпостной войны, къ

первымъ въ свѣтѣ, что вообще не было и не будетъ ни одной войны, въ которой критика не отыскала бы въ послѣдствіи промаховъ, и что если бы осадою управляли другіе инженеры, то, навѣрное, и они впали бы въ ошибки, можетъ быть еще бо̀льшія.

Южная сторона Севастополя оказала бы, конечно, такое же сопротивленіе, если бы атака и была измѣнена въ частностяхъ. Другими словами: геройская оборона нисколько не утрачиваетъ своего достоинства отъ ошибокъ противника.

Разсмотрѣвъ отрицательныя условія, перейдемъ къ положительнымъ. Укажемъ на главныя причины, сдѣлавшія возможною оборону, безпримѣрную въ военной исторіи.

Въ числѣ этихъ причинъ занимаетъ первое мѣсто храбрый, мужественный и непоколебимый, въ высшемъ значеніи слова, гарнизонъ севастопольскій. Въ первое время, онъ состоялъ преимущественно, въ позднѣйшіе періоды— частію изъ флотскихъ экипажей, которые, передъ самою осадою, были переформированы въ батальоны. Хотя и неопытные въ оборонѣ валовъ и въ сухопутномъ бою, моряки были однако, въ истинномъ смыслѣ, солдатами, исполненными любви къ своему Монарху, преданными своему отечеству, твердыми вѣрою въ Бога, строго дисциплинированными. Они и весь гарнизонъ отстаивали ввѣренный имъ Государемъ залогъ, сражались за охраненіе священной для нихъ Россіи отъ иноземныхъ завоевателей.

Надлежало быть проникнуту чувствомъ величайшаго самоотверженія для совершенія того, что совершили защитники Севастополя. Прежде всего они должны были устранить недостатки укрѣпленій, а недостатковъ было весьма много. Мы уже говорили, какъ мало была обеспечена, по своему свойству, южная сторона Севастополя отъ усиленной атаки. При такихъ обстоятельствахъ

легко могло случиться, что атакующій воспользуется всякимъ моментомъ, чтобы дебушировать изъ параллелей и идти на штурмъ. Препятствій, обыкновенно противопоставляемыхъ какою либо крѣпостью подобному предпріятію, было очень немного. Опасность увеличивалась по мѣрѣ приближенія непріятеля къ валамъ, по мѣрѣ усиливающагося дѣйствія его огня. Чтобы ослабить эту невыгоду и отклонить опасность, защитники Севастополя должны были принести въ жертву себя. Значительныя массы войскъ, поставленныхъ за валами, имѣли назначеніемъ отбивать штурмующаго непріятеля. Атакующій, зная всѣ эти обстоятельства, поддерживалъ постоянно сильное бомбардированіе, доходившее до невѣроятныхъ размѣровъ въ тѣ моменты, когда онъ хотѣлъ предпришять что нибудь. Подъ такимъ губительнымъ огнемъ должны были стоять Русскіе, и часто попапрасну ожидали минуты борьбы. Надобно обладать весьма большимъ запасомъ мужества, чтобы хладнокровно выдерживать непріятельскій огонь, видѣть отвсюду сыплющіеся смертоносные спаряды, гибель товарищей, не имѣть возможности предпринять что либо, а только терпѣть: самый бой несравненно легче. Немногія войска въ состояніи долго выдержать подобное; но Русскіе, не взирая на свои великія потери, явили безпримѣрную храбрость, причиною которой долженствовала быть, по истинѣ, цѣль благороднѣйшая, нежели та, которая заставляетъ драться *для славы*, pour la gloire.

Кромѣ того, севастопольскому гарнизону стоило большихъ усилій исправленіе крѣпостныхъ верковъ. Не было возможности окончить всѣ эти обширныя работы въ короткій промежутокъ отъ сраженія на Альмѣ до начала осады; большая часть ихъ могла быть возведена лишь по открытіи непріятельскаго огня. Въ продолженіе обороны и при уси-

ленномъ напряженіи осаждающихъ оказалось, что одного главнаго вала недостаточно для надлежащаго сопротивленія; потому заложены были многія новыя батареи и новые верки какъ за стѣною, такъ и передъ нею. Отчасти надлежало возводить ихъ подъ губительнымъ огнемъ непріятеля.

При поспѣшной постройкѣ всѣхъ укрѣпленій, и при сильномъ дѣйствіи батарей осаждающихъ, верки не могли не страдать значительно, и дальнѣйшее противодѣйствіе было возможно только при непрерывномъ исправленіи ихъ. И большую часть этихъ работъ надлежало производить подъ непріятельскимъ огнемъ. Если же ночью выстрѣлы непріятеля были менѣе губительны, то труды войскъ достигали еще бо́льшихъ размѣровъ. По донесеніямъ союзныхъ генераловъ можно судить о дѣятельности, терпѣніи и искусствѣ гарнизона, исполнявшаго ночныя работы.

Кромѣ того, хорошая оборона требовала постоянныхъ наступательныхъ дѣйствій, для замедленія осадныхъ работъ. Подобныя предпріятія были весьма опасны противъ сильной и отличной осадной арміи, окруженной бдительными мѣрами предосторожности, и для исполненія ихъ надобно было имѣть превосходныя войска и большой запасъ самоотверженія. Какое львиное мужество Русскіе оказали и въ этомъ отношеніи, извѣстно: вылазки ихъ существенно содѣйствовали продолжительности борьбы.

Но тѣмъ не ограничивались обязанности, лежавшія на севастопольскомъ гарнизонѣ; позже, мы найдемъ еще многія другія, не менѣе опасныя и трудныя. Все это служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ, какъ превосходны были войска, которымъ Монархъ Россіи ввѣрилъ свою крѣпость. Труды и усилія ихъ являются въ несравненно обширнѣйшихъ размѣрахъ и при гораздо неблагопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, нежели какъ бываетъ при обыкновенной

осадѣ крѣпости. А между тѣмъ успѣхъ штурма извиняютъ всегда тѣмъ, что изнуренный гарнизонъ падаетъ духомъ отъ понесенныхъ трудовъ и отъ успѣховъ осаждающихъ, и потому не можетъ продолжать борьбу. Въ севастопольскомъ гарнизонѣ, даже въ послѣдніе моменты, мы не находимъ не только слѣдовъ, даже малѣйшаго признака подобнаго тѣлеснаго и нравственнаго ослабленія.

Тѣ, которые желали бы уменьшить все великое въ оборонѣ Севастополя, преимущественно потому, что это великое было совершено Русскими, возражаютъ, что гарнизонъ, находясь въ связи съ расположенною внѣ крѣпости арміей, былъ усиливаемъ постоянно, и люди могли быть смѣняемы въ столь утомительной службѣ.

Справедливо. Мы уже говорили, что севастопольскій гарнизонъ былъ весьма слабъ въ первые моменты осады, и постепенно былъ доведенъ до соразмѣрной силы. Но сила гарнизона считается соразмѣрною только тогда, когда можетъ удовлетворять условіямъ, возлагаемымъ на него свойствомъ крѣпости. Севастопольскіе же верки, именно по своему характеру, требовали весьма значительнаго числа войскъ, какъ уже упомянуто о томъ, и если войска могли быть притягиваемы лишь постепенно, то, естественно, въ первые моменты ихъ было недостаточно. Стало быть, это обстоятельство было скорѣе невыгодно, чѣмъ выгодно для Русскихъ.

Даже смѣна гарнизона болѣе вредна, нежели полезна, ежели гарнизонъ хорошъ и силенъ. Опытомъ подтверждено правило, что полезно поручать оборону извѣстной части крѣпости, отдѣльнаго ли верка или фронта, извѣстной части войскъ. Люди коротко знакомятся съ деталями укрѣпленія и съ предлежащею мѣстностію, узнаютъ отличительныя свойства своихъ противниковъ, умѣютъ давать имъ настоящую цѣну, и, что всего важнѣе, съ обороною ввѣренныхъ

имъ верковъ соединена ихъ военная честь, этотъ могучій двигатель славы.

Но при такомъ распоряженіи предполагается, что назначенная часть войскъ сильна на столько, чтобы выдержать продолжительную борьбу, и что для людей есть пристанище, въ которомъ они могли бы быть предохраняемы отъ вліянія погоды и отъ непріятельскаго огня. Человѣку, осужденному на постоянные труды, надобно же отдохнуть, а вѣдь солдатъ — человѣкъ.

Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили Русскимъ заняться столь выгодными для обороны распоряженіями. Весьма значительный уронъ, которому подвергались войска, особенно на тѣхъ пунктахъ, противъ которыхъ подвигался непріятель, дѣлалъ смѣну войскъ крайне необходимою. Лишь малые отряды, находившіе укрытіе въ блиндажахъ, отстаивали, во все время осады, съ равно непоколебимымъ мужествомъ ввѣренные имъ верки, и именно флотскіе экипажи. Изъ всего этого явствуетъ, что обстоятельства вообще нисколько не благопріятствовали гарнизону, и что защитники Севастополя обязаны были тѣмъ, что совершили, исключительно своей необычайной стойкости.

Весьма сомнительно, чтобы какая нибудь другая армія оказала, въ подобныхъ случаяхъ, равную непоколебимость. Этому много способствовалъ русскій національный характеръ, то есть качества, которыя весьма трудно усвоиваются войсками или даже вовсе не пріобрѣтаются ими, но должны быть врожденныя.

Другая главная причина, почему успѣхъ атаки былъ задерживаемъ столь необыкновенно долгое время, заключалась въ превосходномъ артиллерійскомъ вооруженіи Севастополя. Конечно, нѣтъ другой крѣпости, гдѣ находи-

лось бы такое большое число орудій, какое было здѣсь. Флотъ доставилъ многочисленную прислугу, отлично обученную.

Эти батареи могли бы, безъ сомнѣнія, отбить всякую атаку, предпринятую лишь съ тѣми силами, какія обыкновенно употребляются для овладѣнія крѣпостію.

Но западныя державы имѣли въ своемъ распоряженіи огромные арсеналы Франціи и Англіи, и воспользовались ими въ такой мѣрѣ, что не могло быть и рѣчи о перевѣсѣ крѣпостной артиллеріи. Выше сказано, что, по офиціяльнымъ извѣстіямъ, дѣйствовали у союзниковъ, въ послѣдніе періоды осады, 800 орудій тяжелой артиллеріи; но, для помѣщенія ихъ, всего протяженія севастопольской крѣпости было недостаточно, если бы даже валы употреблены были для того исключительно. Фактъ неопровержимый! Слѣдовательно, говоря вообще, обстоятельства для атаки и обороны были тѣ же, какія бываютъ и при всякой другой осадѣ; атакующій имѣлъ возможность дѣйствовать превосходнымъ числомъ орудій, потому что для нихъ было у него мѣсто. Выгода же, истекавшая изъ огромныхъ запасовъ, собранныхъ въ Севастополѣ для обороны, состояла преимущественно въ томъ, что нечего было опасаться за утрату орудій въ бою, такъ какъ въ замѣщеніи ихъ не могло быть недостатка.

Но главное дѣло въ томъ, что Русскіе превосходно пользовались своими средствами. По этой причинѣ, отношенія между осадною и крѣпостною артиллеріей оказались здѣсь совершенно иныя, нежели какъ то обыкновенно бываетъ, и именно гораздо выгоднѣе для послѣдней.

Артиллерійскій огонь крѣпости господствуетъ, если верки расположены сообразно съ цѣлію, надъ всею окрестною мѣстностію; онъ заставляетъ атакующаго предпринимать

обширныя и трудныя работы, для устройства апрошей. Затруднять, какъ можно долѣе, окончаніе этихъ работъ (совершенно остановить ихъ не льзя никогда), есть самая существенная задача для обороняющагося, и при рѣшеніи ея имѣетъ главное, а въ извѣстные моменты и исключительное вліяніе, надлежащее употребленіе крѣпостной артиллеріи. Слѣдовательно, атакующему прежде всего необходимо уничтожить этого врага или ограничить, по возможности, вліяніе его на осаду, и первыя работы имѣютъ въ виду преимущественно эту цѣль. Потому на успѣхъ осады дѣйствуетъ рѣшительно исходъ борьбы между батареями атакующаго и орудіями обороняющагося, и борьба достигаетъ высшей степени послѣ вооруженія батарей второй параллели. Можно сказать, что борьба собственно только послѣ того момента долженствовала бы разгорѣться сильнѣйшимъ образомъ, но на дѣлѣ этого не бываетъ почти никогда, потому что обороняющійся добровольно отъ нее отказывается. Читайте сочиненія о крѣпостной войнѣ, и вы найдете, что для обороняющагося вообще постановлено правиломъ — не вступать въ борьбу съ демонтиръ–батареями, лишь только онѣ открыли огонь. За основаніе такого правила принимаютъ то, что, при перевѣсѣ нападающаго, крѣпостная артиллерія скоро будетъ принуждена замолчать, и что окажется недостатокъ въ орудіяхъ въ позднѣйшіе періоды, то есть тогда, когда можно употребить ихъ съ наибольшею пользою.

Но въ чемъ же состоитъ этотъ перевѣсъ? Въ числѣ орудій? Едва ли. Мы видимъ, что падаютъ крѣпости, вооруженныя сотнями пушекъ, тогда какъ въ осадномъ паркѣ находится едва четвертая или пятая часть ихъ.

Или причина перевѣса заключается въ томъ, что непріятельскія батареи имѣютъ гораздо выгоднѣйшее положеніе сравнительно съ батареями крѣпости? Если такъ, то распо-

ложеніе верковъ должно быть крайне неудовлетворительное, что, къ сожалѣнію, и случается не рѣдко. Но именно при демонтиръ-батареяхъ нападающій видитъ себя въ необходимости дѣйствовать прямо противъ фронта; именно тогда онъ наименѣе имѣетъ случай извлечь пользу изъ ненадлежащаго расположенія укрѣпленій. Четырехъ, много восьми орудій достаточно для того, чтобы заставить молчать линію, на которой можно помѣстить отъ 12 до 15 орудій, и при томъ въ невѣроятно короткое время. Въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ и заключается величайшій упрекъ, который слѣдуетъ сдѣлать обычному употребленію крѣпостной артиллеріи, потому что атака, при достаточныхъ средствахъ, должна наконецъ пріобрѣсти перевѣсъ, какъ то будетъ показано ниже. Успѣхи нападающаго надобно задерживать, а крѣпостная артиллерія далеко не удовлетворяетъ этой цѣли въ той степени, въ какой бы надлежало. Конечно, препятствіемъ служитъ ей, говоря вообще, слишкомъ недостаточное снабженіе крѣпостей орудіями, чтобы выполнить тѣ требованія, которыя могутъ быть возложены на нее; но тѣмъ усерднѣе надлежитъ ей возможно лучше пользоваться имѣющимися на лицо средствами.

Мы сказали выше, что въ крѣпостяхъ находится обыкновенно втрое и вчетверо больше орудій, нежели сколько нападающій имѣетъ въ своемъ распоряженіи. Слова наши могутъ показаться противорѣчіемъ тому, что артиллерійское вооруженіе крѣпостей вообще недостаточно. Нѣтъ, здѣсь нѣтъ противорѣчія. Весьма значительное число орудій предназначается исключительно для того, чтобы предохранить крѣпость отъ нападенія открытою силою, такъ что для обороны противъ правильной атаки остается едва третья или четвертая часть, да и та, по калибру своему, уступаетъ обыкновенно осадному парку. При такихъ обстоятельствахъ,

опасаются, по существующимъ нынѣ мнѣніямъ, потери орудій въ случаѣ боя собственно; стараются дѣйствовать только съ ближайшихъ фронтовъ и сберегаютъ употребленіе орудій для позднѣйшихъ періодовъ осады.

При разсмотрѣніи этой теоріи, невольно раждается вопросъ: «оправдывается ли такой способъ правилами тактики?» А въ этомъ дѣлѣ одна тактика можетъ произнести приговоръ; она учитъ правильному употребленію боевыхъ силъ. Основныя начала ея сохраняютъ свое значеніе, происходитъ ли бой на ровной или на пересѣченной мѣстности, передъ верками или въ самыхъ веркахъ крѣпости.

Ежели съ данными силами должно достигнуть предположенной цѣли, то прежде всего необходимо уяснить себѣ вѣроятный ходъ боя, и распорядиться такимъ образомъ, чтобы приготовить по надлежащему всѣ тѣ роды оружія, которыя или могутъ дѣйствовать самостоятельно, или отъ дѣйствія которыхъ должно ожидать наибольшаго успѣха.

При оборонѣ крѣпости, данныя боевыя силы суть гарнизонъ и орудія; цѣль—воспрепятствовать приближенію непріятеля. Она можетъ быть достигнута огнемъ ружейнымъ, огнемъ артиллерійскимъ и вылазками. До тѣхъ поръ, пока непріятель находится въ далекомъ разстояніи отъ крѣпости, ружейный огонь недѣйствителенъ; вылазки могутъ обѣщать успѣхъ только при весьма сильномъ гарнизонѣ и лишь тогда, когда непріятель не принялъ надлежащихъ мѣръ предосторожности; слѣдовательно, въ первые періоды осады артиллерійскій огонь остается главнѣйшимъ средствомъ препятствовать ходу осадныхъ работъ. Въ какой высокой степени это возможно, достаточно доказала осада Севастополя. Если, при обыкновенномъ вооруженіи крѣпости, и должно отказаться отъ столь важныхъ результатовъ, какіе были достигнуты въ Севастополѣ, то все же надобно принимать бой съ атакую-

щими батареями. Въ случаѣ успѣха, о продолженіи осадныхъ работъ почти нечего и думать; при неудачѣ, можно тѣмъ не менѣе задержать ихъ на нѣкоторое время, хотя и не на долго. Обыкновенно ссылаются на сбереженіе орудій, чтобы употребить ихъ въ позднѣйшее время. Для достиженія этой цѣли нужны не одни орудія, но и выгодные пункты для ихъ размѣщенія. Между тѣмъ, непріятель разрушаетъ эти пункты уничтоженіемъ бруствера, что онъ можетъ сдѣлать скоро, не будучи никѣмъ тревожимъ. Тогда нельзя уже и надѣяться на успѣшное дѣйствіе крѣпостной артиллеріи противъ осадныхъ батарей.

Необходимо, разумѣется, и въ позднѣйшіе періоды осады дѣйствовать артиллерійскимъ огнемъ, и можно достигать имъ весьма существенныхъ успѣховъ. Многіе работы, которыя нападающій долженъ произвести непремѣнно, могутъ быть задерживаемы и даже совершенно останавливаемы артиллерійскимъ огнемъ. Потому всегда надобно имѣть въ готовности для этого періода соразмѣрное число орудій. Но обороняющемуся нечего опасаться недостатка въ нихъ, если бы онъ сталъ отвѣчать осаднымъ батареямъ даже тѣми орудіями, которыя назначены противъ правильной атаки. Вѣдь онъ не будетъ, конечно, продолжать боя до того момента, когда у него останутся лишь немногія орудія, но прервetъ бой тотчасъ же, лишь только непріятель пріобрѣлъ рѣшительный перевѣсъ, и когда продолженіе борьбы не представитъ болѣе никакихъ особенныхъ препятствій. Во всякомъ случаѣ, и оставшіяся подъ рукою орудія могутъ еще быть помѣщены на приличныхъ мѣстахъ, или дѣйствовать, отъ времени до времени, на отдѣльныхъ пунктахъ противъ подвигающихся работъ. Для послѣдней цѣли

часто бываютъ вполнѣ достаточны и легкія орудія, которыя можно снять съ позицій противъ насильственной атаки, не опасаясь ея успѣшнаго исполненія. Равнымъ образомъ не будетъ недостатка въ орудіяхъ для обстрѣливанія перехода чрезъ ровъ. Забота о сбереженіи орудій на позднѣйшіе моменты всегда приводила лишь къ тому, что артиллерія содѣйствовала оборонѣ крѣпости гораздо меньше, нежели сколько могла, и что тщательно сбереженныя орудія доставались непріятелю въ большомъ числѣ и въ полной исправности.

Послѣднее обстоятельство весьма важно. Въ открытомъ полѣ, благоразуміе часто можетъ заставить прекратить бой и сберечь войска, потому что съ ними можно достигнуть лучшихъ результатовъ въ другомъ мѣстѣ, въ другое время и при другихъ условіяхъ. При оборонѣ крѣпости этого не бываетъ: съ паденіемъ ея, достаются непріятелю и всѣ военные запасы. Значитъ, надобно вводить въ дѣло всѣ силы, весь матеріялъ, чтобы выдержать атаку, и если нельзя спасти крѣпость, то по крайней мѣрѣ можно уменьшить выгоду, извлекаемую нападающимъ изъ побѣды. Выше сказано, что при этомъ надобно выискивать удобные моменты, когда именно лучше всего можно воспользоваться тою или другою частію.

Прослѣдите различныя осады, и вы убѣдитесь, что мнѣніе наше вполнѣ подтверждается опытомъ. Тамъ, гдѣ страшились боя съ осадными батареями, уже никогда не наступалъ въ послѣдствіи моментъ — если только осаждающій не дѣлалъ грубыхъ ошибокъ — въ который представилась бы возможность употребить съ особенною пользою сбереженныя орудія. Если позже обороняющійся и начиналъ дѣйствовать артиллерійскимъ огнемъ противъ осадныхъ работъ, то могъ употребить на сей предметъ

лишь малое число пушекъ, а большинство ихъ стояло безъ дѣла и, при покореніи крѣпости, попадало въ руки непріятеля, который не рѣдко пользовался ими для взятія другихъ крѣпостей.

Тоже бываетъ и со снарядами. Обыкновенно берегутъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не достанутся непріятелю, и непріятель находитъ въ покоренной крѣпости больше военныхъ запасовъ, нежели сколько самъ истратилъ ихъ для достиженія цѣли.

При оборонѣ южной стороны Севастополя, Русскіе поступали вопреки принятому обычаю. Съ самаго начала они съ величайшею рѣшительностію стали дѣйствовать противъ батарей осаждающаго, и въ продолженіе всей осады не колебались ни минуты продолжать бой, не взирая на множество орудій, выставляемыхъ союзниками.

Конечно, превосходное вооруженіе Севастополя дѣлало это возможнымъ, но оно не дѣлало того необходимымъ, и вотъ въ чемъ должно отдать Русскимъ полную справедливость.

Мы доказали и самому недовѣрчивому читателю, что и здѣсь, въ относительной силѣ между крѣпостною и осадною артиллеріей, отнюдь не могло быть перевѣса на сторонѣ первой: слѣдовательно огромные запасы, собранные въ Севастополѣ, не давали превосходства Русскимъ; они давали имъ только возможность постоянно возмѣщать потраченное. И такъ, не численный перевѣсъ, но отличное употребленіе орудій произвело блистательный результатъ, и должно сознаться, что артиллерія внесла *весьма* значительную долю въ итогъ невѣроятно продолжительной обороны.

Чтобы показать отношенія, по этому предмету, при осадѣ и оборонѣ Севастополя, позволяемъ себѣ заимство-

вать нѣсколько строкъ изъ сочиненія Рюстова, обработаннаго по лучшимъ источникамъ:

«8-го апрѣля, вечеромъ, союзники имѣли 518 орудій самаго большаго калибра на протяженіи своей линіи въ 12000 шаговъ, начиная отъ такъ называемой Звѣздной батареи на западномъ берегу Карантинной Бухты до никермапскихъ высотъ и восточной оконечности большой бухты. Англичане признали недостаточными даже 24-хъ фунтовыя пушки, и вездѣ замѣнили ихъ 32-хъ фунтовыми. Но многія орудія были гораздо бо́льшаго калибра; Англичане имѣли у себя 64-хъ фунтовыя орудія, а Французы бомбическія пушки калибромъ въ 24 и 30 сантиметровъ, что соотвѣтствуетъ вѣсу сплошныхъ ядеръ въ 100 и 200 фунтовъ. Эта осадная артиллерія, невиданная дотолѣ въ такомъ громадномъ количествѣ, не говоря уже о калибрѣ, ни на одномъ полѣ битвы, ни подъ одною крѣпостію, сосредоточивалась въ центрѣ линіи между Килепъ-балкою на востокѣ и Карантинною балкою на западѣ. Здѣсь, на каждые двадцать шаговъ протяженія, приходилось по одному орудію.

«На каждое орудіе заготовлено было, среднимъ числомъ, по 700 выстрѣловъ въ батарейныхъ магазинахъ, пороховыхъ погребахъ и въ артиллерійскихъ паркахъ. Такъ какъ число орудій впятеро превышало то, которое по французской нормѣ расчитывается на осадный паркъ, то число выстрѣловъ на каждое орудіе почти равнялось принимаемому на все время обыкновенной осады. Въ сложности, снаряды представляли цѣнность въ семь милліоновъ франковъ (1,750,000 руб. сер.).

«9-го апрѣля, въ $4^{3}/_{4}$ часа утра, вся линія артиллеріи союзниковъ открыла смертоносный огонь по русскимъ оборонительнымъ веркамъ. День былъ ненастный, бурный;

всю ночь шелъ проливной дождь, и густой туманъ мѣшалъ почти цѣлый день надлежащему прицѣливанію. Со стороны города Русскіе отвѣчали очень скоро; съ Корабельной же прошло около получаса, прежде нежели они открыли огонь. Впрочемъ, огонь ихъ былъ весьма умѣренный; они не старались соперничать въ числѣ выстрѣловъ съ союзниками. Адмиралъ Нахимовъ, на котораго генералъ Остенъ-Сакенъ возложилъ руководство обороною, въ дневномъ приказѣ о перасточеніи понапрасну снарядовъ и о соблюденіи въ нихъ величайшей бережливости, поставилъ на видъ, чтобы число выстрѣловъ было вознаграждаемо хладнокровнымъ прицѣливаніемъ. Сами союзники свидѣтельствуютъ, что Русскіе въ точности исполняли это приказаніе.

«Канонада, начатая 9-го апрѣля, продолжалась двѣ недѣли, до 22-го числа, съ неослабною силою въ теченіе дня; до 20,000 ядеръ и бомбъ выпускаемо было ежедневно, пока было свѣтло. Ночью, горизонтальные выстрѣлы прекращались, но въ замѣнъ ихъ поддерживался сильный вертикальной огонь. Цѣлію его было не допускать Русскихъ до исправленія верковъ, поврежденныхъ днемъ; но цѣль эта достигалась далеко не вполнѣ; каждое утро, верки являлись, по крайней мѣрѣ въ первые дни, такими же, какими были наканунѣ. Огонь союзниковъ, въ продолженіе всей канонады, бралъ перевѣсъ надъ огнемъ Русскихъ только тѣмъ, что у послѣднихъ выбывало изъ строя гораздо больше людей, нежели у союзниковъ. Тогда какъ ежедневный уровъ у Французовъ доходилъ, среднимъ числомъ, до ста съ небольшимъ человѣкъ, у Англичанъ до 40 человѣкъ убитыми и ранеными (такъ, по крайней мѣрѣ, они показывали), Русскіе потеряли 9-го и 10-го апрѣля, единственно отъ непріятель-

скаго огня, 145 убитыхъ и 688 раненыхъ, значитъ на каждый день втрое больше союзниковъ. Въ теченіе недѣли, съ 9–го по 15–е апрѣля, уронъ Русскихъ простирался до 598 убитыхъ и 2617 раненыхъ, впрочемъ не отъ одного артиллерійскаго огня, потому что на пространствѣ между оборонительными линіями и атакующими верками уже происходили ночныя столкновенія. Отношеніе раненыхъ къ убитымъ, 4:1, гораздо больше чѣмъ у союзниковъ, у которыхъ оно равнялось приблизительно 3:1. Если положиться на свидѣтельство союзниковъ, то обстоятельство это можно объяснить дѣятельными ночными работами Русскихъ, во время которыхъ они были освѣщаемы огнемъ непріятельскихъ мортиръ, а летавшіе осколки бомбъ производили сравнительно большее число раненыхъ. Начиная съ 22–го апрѣля, уронъ Русскихъ уменьшился до 100 человѣкъ ежедневно и не превышалъ 175 человѣкъ.

«Бо̀льшая потеря Русскихъ нисколько не удивительна при бо̀льшей щедрости союзниковъ на выстрѣлы; но эта потеря не говоритъ въ пользу огня послѣднихъ надъ русскимъ. Уронъ былъ бы, вѣроятно, еще значительнѣе, если бы Русскіе не укрывали подъ блиндажами тѣхъ людей, которымъ днемъ не было работы на валахъ. Превосходство огня союзниковъ, которое, какъ разумѣется само собою, играетъ важную роль въ донесеніяхъ ихъ генераловъ, можно было бы признать лишь въ томъ случаѣ, если бы они могли принудить къ молчанію русскія батареи на продолжительное время. Но этого имъ не удалось; бережливость Русскихъ была вполнѣ *добровольною;* всякое подбитое орудіе они замѣщали почти немедленно другимъ, уже приготовленнымъ, и союзники не могли раздражить своихъ противниковъ. Только въ ясную по-

году, или при необыкновенныхъ случаяхъ, и Русскіе усиливали свой огонь, и тогда они заставляли молчать батареи союзниковъ на долгое время, какъ то случилось, напримѣръ, 10-го, 13-го и 14-го апрѣля.»

Мы выбрали это мѣсто изъ книги Рюстова потому, что оно изображаетъ моментъ, которымъ, при обыкновенной осадѣ, обозначилось бы открытіе огня демонтиръ-батарей.

Здѣсь всего яснѣе видно отличіе обороны Севастополя отъ обыкновенной обороны. Блистательнѣйшіе результаты обнаружились немедленно, ибо надежды, которыя были возлагаемы западными державами на бомбардированіе, приготовленное ими съ величайшими усиліями, рушились въ прахъ. Такъ какъ атакующіе не могли принудить къ молчанію орудія крѣпости, то и осадныя работы подвигались весьма медленно: союзники могли производить ихъ только по ночамъ. Но и ночью были противупоставляемы союзникамъ другаго рода препятствія. Вслѣдствіе того, осаждающіе нашлись вынужденными увеличить свои батареи, для чего они имѣли всѣ средства въ арсеналахъ Франціи и Англіи; на сторонѣ ихъ была еще та выгода, что они легко могли перевозить моремъ артиллерію и снаряды. Но представьте себѣ осаду, при которой нельзя пользоваться моремъ; какія необъятныя затрудненія надлежало бы тогда преодолѣть атакующему? Однако и при увеличенномъ числѣ орудій, доведенномъ наконецъ до 800, союзники никогда не были въ состояніи сбить съ позицій артиллерію крѣпости: гдѣ только можно было поставить орудія, обороняющійся пользовался мѣстомъ, и тѣмъ чрезвычайно замедлялъ успѣхи осадныхъ работъ.

Ослабленіе подъ конецъ огня съ крѣпости было естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ условій, которыя всегда благопріятствуютъ нападающему. Для обороняющагося

валы крѣпости почти единственное пространство, на которомъ онъ можетъ разставить свои пушки; мѣстностію же передъ крѣпостію онъ можетъ воспользоваться во время осады, для постройки новыхъ батарей, лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, да и то на небольшомъ протяженіи. Точно также рѣдко случается, чтобы въ самой крѣпости были мѣста, удобныя для дѣйствія выстрѣловъ чрезъ внѣшніе верки. Кромѣ того, въ обоихъ случаяхъ, почти всегда большая или меньшая часть валовъ мѣшаетъ огню, и потому собственная оборона должна ограничиваться почти исключительно послѣдними. Очевидно, что непрерывный огонь, особенно такой сильный и поддерживаемый орудіями такого большаго колибра, какъ противъ Севастополя, не можетъ не причинить веркамъ весьма значительнаго вреда, и хотя бы возстановленіе ихъ было достигнуто съ величайшимъ пожертвованіемъ, то все же оно не замѣнитъ вполнѣ урона. Слѣдовательно, нападающему всегда удастся разрушить со временемъ валы до такой степени, что постановка на нихъ орудій будетъ невозможна. Съ другой стороны, осаждающій имѣетъ на всемъ впереди крѣпости лежащемъ пространствѣ довольно мѣста для возведенія, когда ему угодно, новыхъ батарей, а возстановленіе разрушенныхъ, если бы даже пришлось вновь возводить ихъ, не сопряжено съ особенно важными затрудненіями. Одни эти условія служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что если осада предпринята съ достаточными силами, то оборона можетъ только замедлить успѣхъ ея, но никогда не остановитъ его. Такъ случилось подъ Севастополемъ въ истинно-изумительной степени, и крѣпостная артиллерія весьма много содѣйствовала тому.

IV.

По при всей дѣятельности и при всемъ мужествѣ севастопольскаго гарнизона, при всемъ отличномъ состояніи принадлежностей для артиллерійскаго вооруженія, ни гарнизонъ, ни пушки не могли бы совершить того, что было совершено ими, если бы главный руководитель обороны не умѣлъ столь же хорошо воспользоваться ими. Великая важность разумнаго главнаго начальствованія стоитъ и въ крѣпостной войнѣ на первомъ планѣ, какъ и во всякомъ другомъ военномъ событіи.

Падлежало бы думать, что гораздо легче руководить обороною крѣпости, нежели начальствовать войсками въ открытомъ полѣ. При оборонѣ крѣпости не бываетъ тѣхъ стратегическихъ отношеній, вѣрное пониманіе которыхъ есть существенное условіе хорошаго полководца; мѣстность извѣстна до малѣйшихъ подробностей; она приготовлена къ бою; множество возможностей обсуждены заранѣе со всѣхъ сторонъ,—словомъ, многое можно было бы привести въ доказательство, что начальствованіе въ крѣпостной войнѣ легче чѣмъ въ открытомъ полѣ. И это совершенно справедливо, только съ однимъ условіемъ: что коменданты понимаютъ крѣпостную войну. Къ сожалѣнію, это случается весьма и весьма рѣдко, какъ печальное, но неизбѣжное слѣдствіе факта, что офицеры, не изъ инженеровъ и не изъ артиллеристовъ, почти столь же мало занимались атакою и оборопою крѣпостей, какъ и построеніемъ ихъ. Много способствовалъ тому взглядъ на крѣпости, какъ на произведенія строительнаго искусства, для обращенія съ которыми надобно знать коротко ихъ механизмъ. Инженеры неоднократно поддерживали это чрезвычайно ошибочное понятіе; они отыскивали бо̀льшее

или меньшее достоинство крѣпости болѣе во взаимномъ положеніи линій, нежели въ отношеніи ихъ къ мѣстности, въ величинѣ и начертаніи угловъ, и въ безчисленныхъ ухищреніяхъ; для сооруженій своихъ придумывали они часто противорѣчивыя одно другому техническія названія, старались окружать свои работы какою-то таинственностію; короче, инженеры дѣлали все, чтобы отбить охоту къ изученію фортификаціи у всякаго, кто долженъ былъ заниматься ею не по обязанности.

Впрочемъ, многіе, быть можетъ, и попытались бы преодолѣть всѣ эти затрудненія, если бы убѣдились въ необходимости такого труда; но въ высшей степени невѣрная идея, глубоко укоренившаяся съ 1815 года, удерживала ихъ отъ уразумѣнія сей необходимости. Распространилось почти общее мнѣніе, будто въ позднѣйшихъ войнахъ крѣпости играли роль лишь весьма второстепенную, заключая такъ по ходу наполеоновскихъ войнъ въ Германіи. Но при этомъ не приняли во вниманіе, что обстоятельства, при которыхъ были ведены эти войны, были отчасти исключительныя или становились такими въ теченіе самой войны, что, конечно, доказать не трудно. Между тѣмъ, русско-турецкая война 1828 и 1829 годовъ, а еще болѣе новѣйшія событія послужили убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ великой важности крѣпостей, и крѣпости сохранятъ и должны сохранить, по самому свойству войны, свое значеніе, если построены на вѣрно избранныхъ точкахъ; важность ихъ увеличится даже отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ. Непомѣрный эгоизмъ скрывается въ томъ, когда люди примѣняютъ ко всему, что можетъ случиться, лишь мѣрило собственныхъ опытовъ.

Незнаніе крѣпостной войны, часто встрѣчаемое, по приведеннымъ сейчасъ причинамъ, у офицеровъ, которымъ

ввѣряютъ крѣпость, имѣетъ крайне вредное вліяніе на руководство обороною: комендантъ теряетъ самоувѣренность въ своихъ распоряженіяхъ, столь необходимую каждому военачальнику; онъ принужденъ давать высокое, часто слишкомъ высокое значеніе приговору инженера и артиллериста, взгляды которыхъ на предметъ нерѣдко бываютъ несогласны между собою, а это отнимаетъ у главнаго начальствованія единство—утрата, достойная сожалѣнія во всѣхъ дѣлахъ, въ военныхъ же обстоятельствахъ ничѣмъ не замѣнимая. Само собою разумѣется, что, при всякой оборонѣ, комендантъ долженъ принимать во вниманіе совѣтъ инженернаго и артиллерійскаго офицера, но онъ непремѣнно долженъ самъ умѣть обсудить ихъ мнѣнія, чтобы имѣть возможность принять надлежащія мѣры. Инженерные и артиллерійскіе офицеры составляютъ штабъ коменданта крѣпости, и въ этомъ смыслѣ надобно смотрѣть на степень ихъ вліянія.

При оборонѣ Севастополя находимъ высшее руководство ею въ рукахъ весьма искусныхъ и свѣдущихъ, что подтверждается всѣми принятыми тамъ мѣрами. Прежде всего должно поставить въ великую заслугу главному начальнику севастопольскаго гарнизона то, что онъ умѣлъ найти въ подполковникѣ Тотлебенѣ офицера, бывшаго въ состояніи исполнить достойнымъ образомъ обязанности мѣстнаго инженера. Вѣрная оцѣнка подчиненныхъ есть столько же важная, сколько и трудная задача для начальниковъ, и она заслуживаетъ тѣмъ большаго уваженія, что нерѣдко сталкивается съ мелочными интересами, имѣющими сильное вліяніе на всякаго человѣка.

Въ этомъ выборѣ мы видимъ также и вѣрное пониманіе тогдашнихъ обстоятельствъ. Некогда было обдумывать всего, не мѣсто и не время было возводить верки

по правиламъ искусства; надлежало съ быстрою рѣшимостію и въ самый короткій срокъ сдѣлать возможное по обстоятельствамъ. Тотлебенъ обладалъ именно такими качествами. Выборъ его показываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что комендантъ не слѣпо довѣрялъ инженеру; въ противномъ случаѣ, ему надлежало бы повѣрить, что на приведеніе крѣпости въ оборонительное состояніе потребно продолжительное время; подполковникъ Тотлебенъ не имѣлъ бы случая обнаружить свои дарованія, и Севастополь палъ бы въ октябрѣ 1854 года.

И такъ, превосходному высшему начальствованію должно приписать возможность столь продолжительной обороны; оно сдѣлало то, что западныя державы нашли, вмѣсто обведеннаго одною стѣною города, крѣпость. Хотя сила верковъ и заставляла желать многаго, однако недостатокъ сей былъ возмѣщенъ отличными распоряженіями и примѣрнымъ артиллерійскимъ вооруженіемъ.

Съ той минуты, когда было получено извѣстіе о сраженіи на Альмѣ и до очищенія южной стороны Севастополя, видимъ постоянно вѣрное пониманіе обстоятельствъ, быструю, сообразную съ ними, рѣшимость и энергическое исполненіе.

V.

Оборона южнаго Севастополя не была ведена по правиламъ, излагаемымъ въ учебныхъ руководствахъ; силы не были сберегаемы до послѣднихъ моментовъ; въ Севастополѣ не боялись преимуществъ, приписываемыхъ атакѣ при каждой осадѣ въ первые моменты, но съ самаго начала старались удерживать непріятеля всѣми имѣвшимися

подъ рукою способами и затруднять его приближеніе. Вотъ ясное доказательство вѣрнаго взгляда.

Мы уже упоминали, что для Русскихъ дѣло шло не о защитѣ города, ибо разрушеніе его было неизбѣжно; если бы даже городъ и не взяли, то онъ былъ бы уничтоженъ непріятельскими снарядами. Притомъ нечего было бояться взятія союзниками южнаго Севастополя, если бы Русскіе даже съ самаго начала отступили на сѣверную сторону: за это ручались возведенныя тамъ батареи. Оборона южнаго Севастополя имѣла цѣлію охранить флотъ и арсеналы. Цѣль сія уже не могла быть достигнута, когда непріятель приблизился къ крѣпости на столько, что могъ истребить флотъ и арсеналы, и потому-то Русскіе должны были стараться всячески воспрепятствовать приближенію противниковъ на такое разстояніе. Слѣдовательно, здѣсь представляется замѣчательный въ высшей степени фактъ: потеря объекта обороны крѣпости заключалась уже въ потерѣ предлежавшей ей мѣстности—обстоятельство, долженствовавшее чрезвычайно затруднить оборону.

У обороняющагося два средства препятствовать успѣху осадныхъ работъ, даже на значительномъ разстояніи: артиллерійскій огонь и вылазки. Мы уже показали, какъ превосходно Русскіе пользовались своею артиллеріей; они не ограничивались вооруженіемъ имѣющихся верковъ, но возводили подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ новыя батареи, если то оказывалось необходимымъ и позволяла мѣстность.

Чтобы имѣть возможность дебушировать изъ крѣпости съ значительнымъ числомъ войскъ, Русскіе оставили въ крѣпостной стѣнѣ большія отверстія, но у нихъ не было, столь благопріятнаго для вылазокъ, прикрытаго пути. Однако и этому недостатку они помогли, по возможности,

устройствомъ упомянутыхъ выше стрѣлковыхъ рвовъ, которые превратились въ дѣйствительные ложементы и въ иныхъ мѣстахъ были важными отдѣльными верками. Отсюда предпринимались, большею частію, тѣ малыя вылазки, которыя причинили союзникамъ такъ много вреда и такъ тревожили и замедляли ихъ работы. Эти стрѣлковые рвы доставили обороняющемуся еще другія важныя выгоды: онъ имѣлъ значительную линію для ружейнаго огня, и выдвинулъ его дѣйствіе на нѣсколько сотъ шаговъ впередъ, что весьма много способствовало замедленію осадныхъ работъ. Какъ велика была важность такихъ ложементовъ, доказывается упорствомъ неоднократнаго боя за обладаніе ими. Конечно, все это увеличивало труды гарнизона, ибо не бездѣлица выдержать цѣлыя сутки величайшаго напряженія силъ, во всякую погоду, подвергаясь непрерывнымъ опасностямъ. Все это могли совершить только отличныя войска, составлявшія севастопольскій гарнизонъ.

И въ то время, когда союзники были вынуждены неожиданнымъ сопротивленіемъ и дурною погодою прекратить свои работы, Русскіе тревожили ихъ траншеи частыми малыми вылазками. Это заставляло осаждающихъ отряжать, для охраненія траншей, значительное число войскъ— необходимость, требовавшая огромныхъ жертвъ и бывшая одною изъ главныхъ причинъ уничтоженія англійской арміи.

Генералъ Ніэль вѣрно сообразилъ положеніе дѣлъ: онъ убѣдился, что Русскіе защищали не городъ Севастополь, но заботились только о сохраненіи флота и арсеналовъ. Если бы союзники продолжили атаку противъ сѣверной стороны, и если бы имъ удалось взять Мачтовый бастіонъ, то все же они не пріобрѣли бы позиціи, съ которой могъ быть уничтоженъ русскій флотъ, а дальнѣйшее

наступленіе представило бы большія трудности по причинѣ внутреннихъ оборонительныхъ мѣръ. Напротивъ того, направляясь къ Корабельной, союзники достигали уже предъ стѣною такого пункта, съ котораго могъ быть разрушенъ предметъ обороны Русскихъ. Когда союзники приняли это намѣреніе и живо повели свои осадныя работы противъ Корабельной, обороняющіеся тотчасъ же увидѣли угрожавшую имъ опасность. Но, съ обычнымъ вѣрнымъ взглядомъ, они немедленно приняли мѣры, которыя могли замедлить быстрый успѣхъ непріятеля, и исполнили эти мѣры съ изумительною отвагою, построивъ редуты Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій. Обыкновенно принимается для атакующаго за правило подвигаться со своими работами только на полуразстояніе отъ своего сборнаго мѣста до крѣпости, если онъ не хочетъ подвергать ихъ скорому разрушенію посредствомъ вылазокъ обороняющагося, потому что не можетъ подоспѣть во время на помощь. Еще бо́льшую отвагу долженъ имѣть осажденный, отступая отъ упомянутаго правила, ибо при правильно ведомой осадѣ атакующій безспорно можетъ всегда выставить превосходныя силы на мѣстности между параллелями и крѣпостію. Тѣмъ не менѣе Русскимъ удалось построить и вооружить Камчатскій редутъ ближе къ непріятельскимъ линіямъ, нежели къ крѣпостной стѣнѣ. Здѣсь видимъ мы систему контръ-апрошей въ небываломъ дотолѣ протяженіи, исполненную столько же дальновидно, сколько смѣло—фактъ, блистательно свидѣтельствующій о превосходствѣ высшаго начальствованія обороною.

Диспозиціи для размѣщенія войскъ были образцовыя: осаждающіе почти вездѣ, гдѣ только хотѣли напасть врасплохъ, находили обороняющагося на стражѣ и сильныя подкрѣпленія въ готовности. Это достойно тѣмъ бо́льшей

похвалы, что готовность войскъ чрезвычайно затруднялась заботами предохранить людей отъ губительнаго дѣйствія непріятельскаго огня.

Съ какою предусмотрительностію и энергіей совершалось возстановленіе разрушенныхъ верковъ, видно изъ самыхъ донесеній союзныхъ главнокомандующихъ.

Если ко всему сказанному мы присоединимъ вѣрную оцѣнку момента, въ который продолжительная оборона уже не была въ соразмѣрности съ приносимыми жертвами, превосходныя мѣры, принятыя для очищенія южной стороны Севастополя, и точность ихъ исполненія, то и самый пристрастный человѣкъ долженъ будетъ сознаться, что примѣрное руководство обороною чрезвычайно много содѣйствовало пріобрѣтенію столь блистательнаго результата.

VI.

Обратимся наконецъ къ четвертому пункту, именно къ свойству крѣпостныхъ верковъ. Хотя выше и было замѣчено, что они, по своей абсолютной силѣ, оставляли желать еще многаго, далеко не могли удовлетворять условіямъ долговременныхъ укрѣпленій, и что, вслѣдствіе того, оборона ихъ представляла весьма многія затрудненія, однако, при ближайшемъ взглядѣ, находимъ нѣсколько такихъ особенностей, которыя даютъ имъ преимущество предъ многими укрѣпленіями, построенными въ мирное время съ огромными издержками и послѣ продолжительнаго обсужденія. Дѣйствительно, мы знаемъ много крѣпостей съ высокими валами, глубокими рвами, одѣтыми эскарпами, безопасными отъ бомбъ казематами, редутами съ перекрестнымъ огнемъ предъ всѣми исходящими углами

и тому подобными ухищреніями, которыя даже при отличномъ комендантѣ, снабженныя такимъ же отличнымъ гарнизономъ и такъ же хорошо вооруженныя какъ Севастополь, не могутъ столь долго противиться нападенію, предпринятому съ равносильными средствами. Постараемся доказать наше мнѣніе; удастся ли намъ — другой вопросъ; мы возстаемъ только противъ предразсудковъ, освященныхъ въ глазахъ многихъ цѣлыми вѣками.

Линіи севастопольской оборонительной стѣны позволяли обстрѣливать предлежащую мѣстность фронтальнымъ огнемъ и атакующій не могъ ни рикошетировать, ни анфиладировать ихъ.

Почти всѣ крѣпости построены такимъ образомъ, что линіи верковъ образуютъ входящіе и исходящіе углы, для того чтобы они могли фланкировать другъ друга. Отъ этого, естественно, фронтальное обстрѣливаніе мѣстности прекращается почти совершенно; оно можетъ быть производимо изъ отдѣльныхъ, нерѣдко весьма малыхъ частей цѣлаго укрѣпленія, чаще же всего становится невозможнымъ. А между тѣмъ фронтальное обстрѣливаніе есть единственное средство къ тому, чтобы достигать издали значительнаго дѣйствія и сосредоточивать по произволу на любомъ пунктѣ предлежащей мѣстности огонь большаго числа орудій. Начертите крѣпость и проведите линіи выстрѣловъ, исходящія изъ верковъ; вы увидите, какъ мало дѣйствителенъ огонь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ крѣпости. Замѣтимъ здѣсь, что хотя мы и не изъ почитателей теоріи непремѣнно перпендикулярнаго дѣйствія для ружейнаго огня, однако сознаемся, что для употребленія пушекъ чрезъ амбразуры, при оборонѣ отъ непріятельскаго нападенія, линіи направленія стрѣльбы опредѣлены довольно точно. Конечно, съ ломаныхъ линій

можно стрѣлять мѣтко на такое пространство, на какое опѣ допускаютъ, тѣхъ линій, которыя расположены фронтально противъ предлежащей имъ мѣстности; но чтобы достигнуть съ нихъ пункта на этой мѣстности, надобно стрѣлять на разстояніи отъ 1200 до 1500 шаговъ, часто и дальше, вмѣсто 800 шаговъ, что̀ существенно вредитъ дѣйствительности и мѣткости. Въ добавокъ, эти линіи подвержены рикошетному и анфиладному огню непріятеля. Чтобы поставить, не смотря на то, орудія, потребуется устроить множество траверсовъ, которые уменьшаютъ линію огня на цѣлую треть, поглощаютъ слѣдовательно огромное пространство, которое, безъ этого неудобства, можно было бы употребить на оборону. Сообщеніе на валахъ становится, вслѣдствіе того, или весьма опаснымъ или весьма труднымъ, такъ что, во время непріятельскаго огня, нельзя и думать о быстрой перемѣнѣ подбитыхъ орудій.

Такое затруднительное положеніе линій противъ атаки показываетъ, какъ мало руководствуются при постройкѣ укрѣпленій правилами тактики. Если не брать въ расчетъ разсыпнаго боя, то можно, конечно, допустить, что огонь линіи пѣхоты исходитъ отъ нея отвѣсно; однако никому и въ голову не приходило, даже въ то время, когда еще не знали употребленія застрѣльщиковъ, строить войска въ исходящихъ и входящихъ углахъ, чтобы придать построенію бо̀льшую силу. Единственное предложеніе о косвенныхъ кареяхъ (carrés obliques) было отвергнуто какъ непрактическое. Но если бы такое построеніе и доставляло только мнимыя выгоды, то въ открытомъ полѣ оно нашло бы, по крайней мѣрѣ, то или другое примѣненіе, тѣмъ скорѣе, что и тамъ былъ бы придавъ большой вѣсъ нормальному построенію.

Выдающіеся верки, безспорно, имѣютъ во многихъ случаяхъ важное значеніе, но постройка ихъ не должна ослаблять существеннѣйшихъ оборонительныхъ элементовъ крѣпости, какъ то случается нерѣдко.

Если бы въ Севастополѣ линіи укрѣпленія были подвержены анфиладному и рикошетному огню, если бы значительная часть ихъ не могла быть, чрезъ устройство траверсовъ, занята орудіями, если бы опасное и затруднительное сообщеніе на валахъ препятствовало скорой перемѣнѣ подбитыхъ орудій, если бы дѣйствіе артиллеріи ослаблялось тѣмъ, что выстрѣлы были бы только облическіе, что много увеличивало бы разстояніе до непріятеля, то севастопольская артиллерія далеко не совершила бы того, что было совершено ею.

Широкіе валганги позволяли помѣщать орудія самаго тяжелаго калибра на любомъ пунктѣ стѣны, нисколько не вредя сообщенію, а эта выгода весьма важна и встрѣчается въ такомъ объемѣ лишь въ немногихъ крѣпостяхъ.

Невысокіе валы необыкновенно облегчали встаскиваніе орудій, и одно это обстоятельство давало возможность замѣнять подбитыя орудія такъ скоро, что огонь верковъ могъ продолжаться почти въ непрерывной силѣ. Взгляните на какую нибудь крѣпость, разсмотрите высокіе и крутые подъёмы, ведущіе къ валгангу, и вы едва ли признаете возможнымъ скорое доставленіе туда орудій, особенно въ неблагопріятную погоду. Возразятъ, что трудно устранить это неудобство. Въ нынѣшнихъ веркахъ, конечно, трудно, но слишкомъ высокіе валы почти всегда служатъ доказательствомъ неудовлетворительнаго начертанія и неумѣнья пользоваться мѣстностію.

Запасы земли, для немедленнаго исправленія поврежденныхъ верковъ, были большимъ преимуществомъ сева-

стопольскихъ укрѣпленій. Многимъ, статься можетъ, покажется смѣшно, что мы указываемъ на подобное преимущество, потому что землю можно достать вездѣ. Но посмотрите на обыкновенныя крѣпости съ ихъ пустыми бастіонами, высокими узкими валгангами, куртинами, едва допускающими сообщеніе, и тотчасъ за ними городъ, и потомъ поищите мѣсто, откуда брать землю.

Въ оборонительной оградѣ Севастополя находились большія отверстія, изъ которыхъ Русскіе могли дебушировать скоро съ значительными массами, если дѣло шло о значительныхъ вылазкахъ, или ежели надлежало поддержать предлежащіе стрѣлковые рвы въ случаѣ непріятельскаго нападенія. Даже въ новѣйшихъ крѣпостяхъ тщетно будемъ мы искать возможности сдѣлать что нибудь подобное. Не льзя же допустить, чтобы можно было собрать массы войскъ на малыхъ плацдармахъ. Но если баталіоны должны взобраться прежде на подъемы шириною въ 9 футовъ, и потомъ дебушировать чрезъ 8—10 футовыя отверстія, которыхъ всего два на 800 шагахъ фронта, то, конечно, нельзя думать о развитіи большихъ массъ.

Наконецъ, чрезвычайно важнымъ преимуществомъ укрѣпленія Севастополя считаемъ мы и то, что между стѣною и городомъ было широкое открытое пространство. Безъ этого условія, такая оборона, какою отличался Севастополь, была бы невозможна.

Если бы домы города, какъ то обыкновенно бываетъ, лежали возлѣ самыхъ валовъ крѣпости, то въ какое опасное положеніе былъ бы поставленъ гарнизонъ, когда союзники зажгли Севастополь? О пребываніи на валахъ, во время пожара, едва ли можно было думать: лафеты орудій сгорѣли бы вѣроятно, пороховые магазины взлетѣли бы на воздухъ, словомъ, всякая оборона останови-

лась бы на это время, и огромные, необходимые для дальнѣйшей борьбы запасы были бы истреблены. Болѣе нежели вѣроятно, что союзники воспользовались бы столь благопріятнымъ для нихъ моментомъ для быстрой атаки, и что успѣхъ былъ бы несомнѣненъ.

Мы говорили неоднократно, что верки сами по себѣ отнюдь не могли сильно противодѣйствовать рѣшительному нападенію, и что неудобство это могло быть устраняемо преимущественно постояннымъ содержаніемъ въ готовности большаго числа войскъ. Если бы валы примыкали непосредственно къ городу, то гдѣ надлежало бы размѣстить войска? На улицахъ они подвергались бы не только непріятельскому огню, но и летавшимъ обломкамъ стѣны; бѣжать на помощь узкимъ фронтомъ по тѣснымъ, пересѣкающимся улицамъ было бы тѣмъ затруднительнѣе, что къ веркамъ всегда ведутъ лишь немногія улицы. Открытое же мѣсто за верками позволяло устраивать блиндажи, въ которыхъ войска находили по крайней мѣрѣ убѣжище отъ лопавшихся бомбъ, развивать быстро массы, направлять ихъ на всякій угрожаемый пунктъ, и допускало правильное употребленіе приходившаго изъ города главнаго резерва.

Какъ ни мала была пассивная сила сопротивленія верковъ, однако исчисленныя мѣры весьма существенно способствовали возможности достославной обороны, потому что она благопріятствовала надлежащему употребленію активныхъ средствъ крѣпости — преимущество, которое имѣлъ Севастополь предъ весьма многими крѣпостями, построенными послѣ долгихъ соображеній и стоившими огромныхъ суммъ.

VII.

Борьба подъ Севастополемъ, несомнѣнно, будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на крѣпостную войну, какъ борьба самая громадная, какая только извѣстна въ исторіи, борьба, въ которой были примѣняемы всѣ многочисленныя открытія новаго времени. Вотъ почему въ высшей степени важно собрать произведенные тамъ опыты, и изъ нихъ развить тѣ основныя начала, которыя оказались по преимуществу замѣчательными. Мы сдѣлали эту попытку относительно обороны, и именно потому, что, по нашему мнѣнію, оборона представила любопытнѣйшіе и поразительнѣйшіе результаты. Мы признаемъ несравненно достойнѣе удивленія то, что крѣпость столь малой абсолютной силы, какой, можетъ быть, и не найдешь другаго примѣра, даже между тѣми, которымъ придаютъ громкое названіе «крѣпости,» сопротивлялась одиннадцать мѣсяцевъ атакѣ, предпринятой, количественно и качественно, съ колоссальными средствами, хорошо веденной и энергически исполненной, нежели то, что подобная крѣпость была взята, и основываемъ нашъ приговоръ на опытахъ всѣхъ вѣковъ. Кто думаетъ иначе, пусть представитъ намъ равносильное доказательство.

Мы отнюдь не унижаемъ славы атаки, но восхищаемся обороною потому, что она противилась въ такой степени такой силѣ. Но мы имѣемъ еще другую причину къ возвышенію смысла обороны. Вотъ эта причина: опыты севастопольской обороны находятъ примѣненіе уже въ мирное время, или по крайней мѣрѣ могутъ быть примѣнены, если на нихъ обратятъ вниманіе при постройкѣ крѣпостей. Севастополь предлагаетъ къ тому весьма значительные и весьма замѣчательные результаты. Дай Богъ, чтобы они не остались безъ употребленія.

Намъ очень хорошо извѣстно, что большая часть приведенныхъ нами фактовъ, благопріятствовавшихъ оборонѣ, не представляютъ ничего новаго; но мы знаемъ также, что старыя истины далеко не оцѣнены такъ, какъ бы заслуживали того.

Всякій знаетъ, что хорошій гарнизонъ будетъ защищать крѣпость лучше и долѣе, нежели посредственный или плохой; но тотъ впадаетъ въ весьма большую ошибку, кто думаетъ, что крѣпость можетъ держаться, если бо́льшая часть гарнизона состоитъ отчасти изъ людей необученыхъ или такихъ, которые давно забыли то, чему учились. Распространенію этого ложнаго мнѣнія способствовали въ особенности инженеры: вѣруя безусловно въ свои начертанія, они укоренили мысль, будто расположеніе верковъ и ихъ отдѣльныхъ линій таково, что гарнизону остается только стрѣлять по предписанному направленію, и блистательные результаты обороны будутъ достигнуты. Подобнымъ вѣрованіемъ инженеры превратили оборону больше въ механическое, нежели въ оживленное духомъ дѣйствіе. Конечно, можно ограничиваться посредственными войсками, но никогда нельзя выполнить тѣхъ условій, которыя неразлучны съ энергическою обороною и которыми можетъ быть оправдана постройка удовлетворительныхъ крѣпостей.

Вторая причина, которою оправдываютъ употребленіе въ крѣпостяхъ войскъ, негодныхъ въ полѣ, есть множество крѣпостей. Справедливо, что мало осталось бы войскъ для дѣйствій въ полѣ, если бы захотѣли наполнить всѣ крѣпости хорошими гарнизонами. Но кто же принуждаетъ строить или поддерживать крѣпости безполезныя, не предписываемыя стратегическими условіями? До тѣхъ поръ, пока будутъ поправлять крѣпости едва-

ственно для того, чтобы пользоваться нѣсколькими годными казематами, нечего и дивиться этому тяжелому и неумѣстному балласту.

Ни при одной осадѣ, извѣстной въ военной исторіи, не обнаруживались такъ явственно качества, требуемыя отъ гарнизона, какъ при осадѣ Севастополя. Предложите себѣ самый простой вопросъ: «посредственныя войска— не говоримъ уже дурныя—были ли бы въ состояніи удовлетворить требуемымъ качествамъ?« Разумѣется нѣтъ. Если въ большей части крѣпостей и бываютъ многія благопріятныя для гарнизона условія, зависящія въ особенности отъ значительной силы верковъ, то все же служебныя обязанности остаются одни и тѣ же. Укажемъ на нѣкоторые факты. Безъ вылазокъ хорошая оборона невозможна; возстановленіе разрушенныхъ брустверовъ, даже подъ непріятельскимъ огнемъ, есть дѣло крайней необходимости; оборона верковъ отъ штурма есть непремѣнное условіе, и если гарнизонъ не можетъ рѣшиться на то, онъ не исполняетъ своей обязанности. Чтобы выполнить всѣ эти требованія, войска должны быть дисциплинированы, стойки, храбры; при такихъ качествахъ гарнизонъ имѣетъ право на названіе хорошаго, и только тогда возможна оборона, соотвѣтствующая цѣли крѣпости.

Непростительно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что настойчивымъ пассивнымъ сопротивленіемъ можно замѣнить недостатокъ хорошаго гарнизона. Сильная крѣпость можетъ держаться при хорошихъ войскахъ долѣе, нежели крѣпость дурно построенная, но обѣ, имѣя плохіе гарнизоны, падутъ почти одновременно.

Можно принять за правило, что самая плохая крѣпость съ хорошимъ гарнизономъ гораздо важнѣе той, въ которой условія наоборотъ.

До сихъ поръ, кажется, не вполнѣ еще сознано вліянія надлежащаго артиллерійскаго вооруженія на оборону крѣпости; по крайней мѣрѣ такъ позволительно судить по малому числу орудій, отпускаемыхъ въ крѣпости. Оборона Севастополя показываетъ, въ какой высокой степени артиллерійскій огонь, дружно поддерживаемый, дѣйствительный, можетъ затруднять атаку. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что нельзя было бы и думать о продолженіи осады, если бы союзники не имѣли огромныхъ транспортныхъ средствъ и удобнаго сообщенія со своими арсеналами, и потому не могли бы привозить необъятнаго количества орудій и снарядовъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія перевѣса, безъ котораго цѣль была недостижима. Едва ли было бы возможно собрать подобный осадный паркъ и снабжать его снарядами непрерывно передъ крѣпостію, лежавшею внутри страны, т. е. не при морѣ. Артиллерійскаго вооруженія, находившагося въ Севастополѣ, было бы въ такомъ случаѣ достаточно для отбитія всякой атаки. Конечно, это такія требованія, исполненіе которыхъ едва ли было бы возможно какому либо государству для каждой крѣпости особо; но болѣе нежели до сихъ поръ сдѣлано, можетъ и должно быть сдѣлано, если крѣпости должны соотвѣтствовать своей цѣли, чтобы не утратить противъ прежняго свое значеніе. А это было бы тѣмъ вреднѣе, что важность и вліяніе крѣпостей на военныя дѣйствія увеличились безспорно отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ. Съ другой стороны, желѣзныя дороги облегчаютъ атаку крѣпостей. Пока сообщенія были дурны, встрѣчались большія затрудненія при перевозкѣ значительнаго числа тяжелыхъ орудій и потребнаго для нихъ количества снарядовъ, что замедляло не одну атаку. Нынѣ эти затрудненія если и суще-

ствуютъ, то въ гораздо меньшей степени, и потому при позднѣйшихъ осадахъ атакующій явится тамъ, гдѣ дѣло идетъ о скоромъ успѣхѣ, съ несравненно значительнѣйшею артиллеріей, нежели какъ было прежде. Вслѣдствіе того, чтобы удержать за крѣпостями способность сопротивленія, надобно будетъ обильно снабжать ихъ орудіями, а если примутъ во вниманіе опыты, достигнутые обороною Севастополя, то при постройкѣ крѣпостей придадутъ бо́льшій вѣсъ ихъ артиллерійскому вооруженію. Крѣпость должна держаться сколь можно долѣе; слѣдовательно, прежде всего надобно сообразить, что̀ преимущественно способствуетъ достиженію этой цѣли. Нѣтъ и никогда не будетъ блистательнѣе и убѣдительнѣе, какъ оборона Севастополя, доказательства, что весьма значительное число орудій въ состояніи чрезвычайно замедлить атаку; можно даже, основываясь на вѣковыхъ опытахъ, утверждать, что нельзя было бы достигнуть равносильнаго результата бо́льшею пассивною стойкостію валовъ съ плохимъ вооруженіемъ.

Знаемъ очень хорошо, что большіе запасы орудій и снарядовъ стоятъ дорого, и что денежный вопросъ есть камень преткновенія для выполненія многихъ полезныхъ предпріятій; но, по нашему мнѣнію, и съ тѣми же, какъ нынѣ, средствами можно достигнуть болѣе выгодныхъ послѣдствій. Изъ суммъ, назначаемыхъ для постройки вполнѣ вооруженной крѣпости, употребляются нынѣ отъ 8 до 10 процентовъ на артиллерійское вооруженіе; употребите вмѣсто того отъ 20 до 25 процентовъ. Поступивъ такимъ образомъ, вы получите для отраженія правильной атаки не вдвое, но втрое и вчетверо большее число орудій, въ сравненіи съ нынѣшнимъ, ибо вооруженіе противъ атаки открытою силою остается въ обоихъ

случаяхъ одно и тоже. Если положить, что для постройки и вооруженія порядочной величины крѣпости потребуется около десяти милліоновъ талеровъ (или рублей), то получится около 300 — 400 орудій, съ принадлежащими къ нимъ снарядами, больше; тогда, разумѣется, надлежало бы вычесть около милліона талеровъ изъ смѣты собственно на строительную часть. Но ежели облицовка эскарповъ будетъ нѣсколькими футами ниже, а большіе, безопасные отъ бомбъ, редюпты нѣсколькими футами меньше, то все же, полагаемъ мы, сила сопротивленія крѣпости выиграетъ много. Чтобы заставить молчать лишнія 300 — 400 орудій, атакующій долженъ употребить огромныя средства, да и въ такомъ случаѣ достигнетъ успѣха уже послѣ долгаго времени. Вспомнимъ одно: какъ трудно будетъ осаждающему доставить на мѣсто большой осадный паркъ и снабдить его снарядами.

Мы, по истинѣ, не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые одобряютъ построеніе новыхъ системъ на немногихъ собственныхъ опытахъ или испытанныхъ случаяхъ, и, конечно, не рѣшились бы высказать упомянутаго выше предположенія, если бы оно не опиралось на положительныхъ истинахъ, подтвержденныхъ оборопою Севастополя. Дѣйствія атаки основываются существенно на томъ, что осадная артиллерія пріобрѣтаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ артиллеріей осаждаемой крѣпости. Если послѣдняя вооружена такъ, что не побоится принять бой, если валы удобны для выгоднаго размѣщенія орудій, то можно достигнуть такихъ же результатовъ, какъ подъ Севастополемъ, т. е. значительно замедлить атаку съ первыхъ же моментовъ и принудить непріятеля къ усиліямъ, преодолѣть которыя опъ, во многихъ случаяхъ,

едва будетъ въ состояніи. Еще другая весьма важная выгода можетъ быть пріобрѣтена тѣмъ. До сихъ поръ, атакующему удавалось, потому что крѣпостная артиллерія боялась вступать въ бой, подвигаться до подошвы гласиса почти всегда въ сравнительно весьма короткое время. Столь быстрый успѣхъ не могъ не имѣть въ высшей степени вреднаго вліянія на гарнизонъ, вовсе незнакомый съ основными началами крѣпостной войны, а непріятель достигалъ тѣмъ нравственной побѣды. Этому отнюдь удивляться не должно: если солдатъ видитъ, что поставленныя на валахъ орудія не могутъ остановить быстрыхъ успѣховъ атакующаго, то гдѣ же онъ почерпнетъ увѣренность въ преимуществахъ, представляемыхъ оборопою?

Тысяча орудій, 200,000 центнеровъ ядеръ и 50,000 центнеровъ пороха достаточны состоящему изъ хорошихъ войскъ корпусу для того, чтобы обратить всякое населенное мѣсто, въ теченіе двухъ или трехъ недѣль, въ крѣпость, обладающую весьма значительною силою противодѣйствія. Вотъ великій урокъ, данный намъ оборопою Севастополя. Конечно, для этого нужны инженеры, которые вѣрно понимаютъ мѣстность, смѣло и рѣшительно приступаютъ къ дѣлу и мастерски умѣютъ пользоваться временемъ и силами. Мы вовсе не думаемъ доказывать этимъ, что порицаемъ построеніе крѣпостей въ мирное время: это значило бы ложно судить объ условіяхъ войны; мы хотимъ только поставить на видъ, какъ высоко цѣнимъ активныя оборонительныя средства крѣпости.

Разсмотримъ третій пунктъ — высшее начальствованіе: оно въ рукахъ коменданта.

Долго господствовало мнѣніе, что должности комендантовъ прилично замѣщать старыми, ослабѣвшими тѣлесно

и умственно офицерами. Причиною такой мѣры былъ весьма малый вѣсъ, который придавали крѣпостямъ со времени послѣдней великой войны. Благодарсніе Богу, эту крайне ложную мысль оставили, не успѣвъ поплатиться за нее грустными опытами, что́ случилось бы навѣрное.

Нынѣ въ комендапты назначаютъ крѣпкихъ и здоровыхъ офицеровъ, но не замѣщаютъ эти должности такими людьми, которые должны занимать ихъ и въ военное время. Въ рукахъ коменданта осажденной крѣпости можетъ заключаться судьба всей кампаніи; на немъ лежатъ высшія обязанности, какія только могутъ быть возложены на офицера; онъ командуетъ значительною массою войскъ, если крѣпость важна. Военныя условія требуютъ, чтобы обширныя и важныя начальственныя должности были поручаемы старшимъ по службѣ чинамъ, ибо подчиненіе старшихъ офицеровъ младшимъ служитъ и всегда будетъ служить поводомъ къ весьма вреднымъ для службы столкновеніямъ. По этой причинѣ, принимается за общее правило, нарушаемое лишь въ случаяхъ совершенно исключительныхъ, что командованіе возлагается на самаго старшаго по чину. Въ крѣпости же, комендантъ долженъ, при всѣхъ обстоятельствахъ, быть главнымъ начальникомъ; тутъ встрѣчается столько случаевъ, которые могутъ быть извѣстны ему одному и ознакомленіе съ которыми не достигается вдругъ, что перемѣна главнаго начальника могла бы повлечь за собою пагубныя послѣдствія. Въ обширной крѣпости, при многочисленномъ гарнизонѣ, всегда найдутся генералы, старшіе чиномъ коменданта, и потому–то необходимо, чтобы самъ комендантъ былъ возможно высшаго чина, для избѣжанія немпнуемыхъ столкновеній.

И потому, если въ мирное время назначаются комендантами офицеры, которые, по чину своему, едва ли получили бы въ военное время столь обширное и важное полномочіе, то мы считаемъ весьма благоразумною мѣрою давать способнымъ офицерамъ случай къ ознакомленію съ крѣпостною войною. Но чтобы такъ было дѣйствительно, это прямая обязанность, возлагаемая на сихъ офицеровъ.

Непоколебимое мужество, терпѣніе и энергія суть, конечно, существеннѣйшія качества коменданта; они служатъ порукою, что крѣпость не будетъ сдана постыднымъ образомъ на капитуляцію, но должна быть покорена, и, что всего важнѣе, взята штурмомъ; однако этихъ качествъ недостаточно для возможно-продолжительной обороны крѣпости противъ нападающаго. Цѣль эта можетъ быть достигнута лишь тогда, когда комендантъ знаетъ сущность крѣпостной войны; только тогда онъ въ состояніи вѣрно оцѣнивать положеніе дѣлъ въ каждый моментъ, и сообразно съ тѣмъ принимать свои мѣры.

Тактика крѣпостной войны существуетъ точно такъ же, какъ тактика пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, и она столько же важна для обороны крѣпости, сколько послѣдняя для дѣйствій въ открытомъ полѣ. Какъ ни проста тактика крѣпостной войны, однако знаніе ея распространено лишь въ весьма малой степени; ее не допускаютъ даже тамъ, гдѣ она долженствовала бы быть. Полагаютъ вообще, что можно узнать крѣпостную войну, освоившись со всѣми техническими работами саперовъ, а это и устрашаетъ большинство изучать подобный предметъ. Мнѣніе несправедливое. Тактика крѣпостной войны отлична отъ тактики собственно войны; изъ послѣдней достаточно знать общія основанія; полнаго знанія первой должно требо-

вать отъ всякаго коменданта. Требованіе нисколько не преувеличенное; отвѣтъ на вопросъ, исполняется ли оно, оставляемъ безъ поясненій. Великій, до сихъ поръ еще недостижимый Вобанъ, одинъ изъ немногихъ между инженерами, который былъ солдатъ въ полномъ смыслѣ слова, основалъ тактику крѣпостной войны на непоколебимыхъ истинахъ и развилъ логически ея дѣйствія. Какой бы видъ ни получили укрѣпленія, какъ бы ни были велики успѣхи въ усовершенствованіи огнестрѣльнаго оружія, формы атаки могутъ измѣниться отъ того, но Вобановы правила всегда сохранятъ свое значеніе, потому что основаны на истинахъ. Для уразумѣнія ихъ не нужно великаго ума; довольно здраваго разсудка.

Изученіе тактики крѣпостной войны затрудняется, къ сожалѣнію, тѣмъ, что нѣтъ подробнаго руководства этого предмета; сочиненія о крѣпостной войнѣ заключаютъ въ себѣ или уставныя правила, или военно-историческія событія; но тѣ и другія образуютъ только основу тактики, которая должна быть развита изъ нихъ. Сюда надобно присоединить, что большая часть офицеровъ не сочувствуютъ этому предмету, потому что почти всякій считаетъ несчастіемъ попасть въ крѣпость во время войны. Правда, крѣпостная война сулитъ меньше нежели война въ открытомъ полѣ, ибо не заключаетъ въ себѣ стратегическаго элемента, она однообразна; но какъ тамъ, такъ и здѣсь, солдатъ стоитъ на одинаково почетномъ посту, сражаясь за государя и отечество; тамъ и здѣсь исполняетъ онъ свой долгъ, а это, конечно, главное дѣло. Прошли времена, когда войну считали раздражающею, увеселительною охотою. Но кто жаждетъ славы, тотъ, при оборонѣ крѣпости, скорѣе найдетъ случай къ отличію, даже на невидныхъ мѣстахъ, потому что важные

успѣхи могутъ быть достигаемы малыми частями войскъ. Исторія сохраняетъ имена войскъ, отстоявшихъ крѣпость, вѣрнѣе нежели имена тѣхъ, которыя выиграли сраженіе. Въ Пруссіи, напримѣръ, всякій знаетъ полки, защищавшіе Кольбергъ; но немногіе отвѣтятъ на вопросъ о полкахъ, сражавшихся подъ Лейпцигомъ.

Обратимся наконецъ къ четвертому пункту, именно къ тѣмъ преимуществамъ, которыя доставляло оборонѣ, въ иныхъ отношеніяхъ, свойство укрѣпленій южнаго Севастополя. Вопросъ высокой важности. Когда началась война, можно ввести въ угрожаемую крѣпость сильный и хорошій гарнизонъ; можно назначить способнаго коменданта; можно даже, хотя и въ ущербъ лежащей позади крѣпости, позаботиться о превосходномъ артиллерійскомъ вооруженіи, если бы этого не было сдѣлано прежде; но валы, вполнѣ удовлетворяющіе требованіямъ, не могутъ быть возведены вдругъ; постройка ихъ относится къ мирному времени. Если, въ этомъ отношеніи, сдѣланы важныя ошибки, то объ исправленіи ихъ некогда думать. И такъ, уже теперь насталъ часъ, въ который можно и должно воспользоваться опытами, сдѣланными въ Севастополѣ.

Кто хочетъ основывать теоріи на результатахъ, истекающихъ изъ извѣстныхъ событій, тотъ долженъ изслѣдовать прежде основательно, были ли эти результаты неминуемымъ послѣдствіемъ событій именно такъ совершившихся, или они произведены случайностями и условными посторонними обстоятельствами, не входившими въ расчетъ. Только въ первомъ случаѣ имѣемъ мы право полагать ихъ исходною точкою для выводовъ. Къ сожалѣнію, нерѣдко видимъ мы новыя теоріи, основанныя на такихъ фактахъ, причины которыхъ не были подвергнуты без-

пристрастному изслѣдованію, и которыя только кажутся доказательствомъ, потому что ихъ представляютъ безъ общей связи и безъ условливающихъ побочныхъ обстоятельствъ.

Сумма способности сопротивленія есть мѣрило силы крѣпости. Южная сторона Севастополя оказала, безспорно, гораздо значительнѣйшее сопротивленіе, нежели большая часть крѣпостей, атакованныхъ съ достаточными средствами и съ необходимою энергіей. Основываясь на выводахъ, сдѣланныхъ многими инженерами изъ отдѣльныхъ фактовъ въ подтвержденіе ихъ теорій, можно было бы заключить, что укрѣпленія южнаго Севастополя и сами по себѣ были гораздо сильнѣе тѣхъ системъ, по которымъ построены другія крѣпости; даже можно было бы утверждать, что нѣтъ надобности строить крѣпости въ мирное время, ибо Севастополь доказалъ, что построить новую крѣпость можно скорѣе, нежели вооружить существующую. Выводъ былъ бы отнюдь не безразсудный, и нашелъ бы одобреніе у противниковъ крѣпостей и у всѣхъ тѣхъ, предубѣжденнымъ мнѣніямъ которыхъ соотвѣтствуетъ подобный результатъ. Но что этотъ выводъ былъ бы столько же невѣренъ, какъ и многіе другіе, на которыхъ построены новыя теоріи, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Мы достаточно, кажется, доказали, что чрезвычайная способность сопротивленія Севастополя условливалась другими существенными элементами, и что свойство верковъ, судя по ихъ внутренней силѣ, скорѣе затрудняло, нежели облегчало оборону.

Были иныя качества, придававшія высокое достоинство укрѣпленіямъ Севастополя. Мы упомянали о томъ выше: сущность ихъ заключалась преимущественно въ томъ, чтобы способствовать употребленію активныхъ оборонительныхъ

средствъ. И они исполнили это въ такой степени, въ какой не находимъ того почти ни въ одной крѣпости. Чѣмъ меньше были пассивныя средства сопротивленія, тѣмъ болѣе должны были работать активныя для достиженія столь достославныхъ послѣдствій; но это было возможно только тогда, когда свойство укрѣпленій благопріятствовало употребленію артиллеріи и войскъ.

О крѣпостной артиллеріи мы уже высказали свое мнѣніе; теперь взглянемъ на употребленіе гарнизона.

Въ фортификаціи два различныя основныя начала, на которыхъ зиждутся всѣ системы, какой бы то не было формы. Хотя объ этихъ началахъ и нигдѣ не упоминается, однако они рѣшительно явствуютъ изъ составленныхъ проектовъ и исполненныхъ построекъ. Одно начало полагаетъ, для обороны, главную важность въ свойствѣ верковъ, другое въ употребленіи войскъ. Что при всякомъ проектѣ укрѣпленій должно принимать въ соображеніе употребленіе войскъ, разумѣется само собою, и изобрѣтатели различныхъ системъ утверждаютъ почти всегда, что они обращали на то особенное вниманіе. Но *отъ слова до дѣла далеко*, и мы судимъ о веркахъ не по тому, чего хотѣлъ достигнуть ими строитель, но по тому, чего онъ достигъ. Произошли ли ошибки отъ того, что строитель руководствовался ложною мыслію, или причина ихъ заключается въ незнаніи употребленія средствъ, намъ все равно: результаты одни и тѣ же, а въ нихъ-то и вся сущность. Мы рѣшительно того мнѣнія, что при оборонѣ крѣпости главную цѣну должно давать достоинству и употребленію активныхъ оборонительныхъ средствъ; теорія и опыты всѣхъ временъ подтверждаютъ эту истину.

Кто сознаетъ справедливость такого факта, тотъ долженъ будетъ принять за первое правило, что всякое

укрѣпленіе должно содѣйствовать, сколько возможно, и употребленію войскъ. Основою тому служитъ тактика.

Пусть смотрятъ на обводную ограду крѣпости какъ угодно, какъ на препятствіе мѣстности или какъ на боевое построеніе, она всегда остается оградою, и, въ этомъ смыслѣ, входитъ въ ту же категорію, какъ изгородь лѣса, двора или деревни, съ тою только разницею, что обладаетъ гораздо большею силою сопротивленія. Здѣсь, какъ и тамъ, оборона предлежащей мѣстности имѣетъ исходною точкою обводную стѣну, вообще артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, сопровождаемымъ частными наступательными предпріятіями. Удержаніе самаго предмета мѣстности заключается въ томъ, чтобы не допускать непріятеля прорваться чрезъ стѣну и овладѣть внутреннимъ пространствомъ. Для этого нужны размѣщенные надлежащимъ образомъ резервы. Правильное же употребленіе ихъ зависитъ главнѣйше отъ возможности направлять ихъ на любой пунктъ такимъ образомъ, чтобы они являлись на угрожаемыя точки своевременно и въ приличномъ построеніи. Намъ кажется, что крѣпость можетъ имѣть притязаніе быть построенною по тактическимъ началамъ только тогда, когда соотвѣтствуетъ этому существенному требованію.

Въ крѣпостной войнѣ мы различаемъ главнѣйше два рода атаки, открытою силою и правильную. Противъ первой должна обеспечивать хорошо построенная крѣпость, съ достаточнымъ гарнизономъ. При правильной же атакѣ, вторженіе непріятеля за черту стѣны возможно только на тѣхъ пунктахъ, гдѣ нападающій пробилъ предварительно брешь. Мѣста, гдѣ это можетъ случиться, или, точнѣе, гдѣ непріятель принужденъ сдѣлать это, обозна-

чены формою укрѣпленія, слѣдовательно извѣстны обороняющемуся.

Не подлежитъ, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію, что было бы великимъ нарушеніемъ правилъ тактики, стало быть и огромною ошибкою, если бы способъ укрѣпленія поставилъ обороняющагося въ невозможность употребить свои войска на этихъ пунктахъ, если бы у него недостало пространства развить свой перевѣсъ тамъ, гдѣ непріятель, двигаясь лишь узкимъ фронтомъ, можетъ быть окруженъ совершенно.

А между тѣмъ именно эта ошибка и обнаруживается весьма явственно въ новѣйшихъ укрѣпленіяхъ. Если вы разсмотрите въ нихъ тѣ самостоятельные верки, которые образуютъ собою опорныя точки стѣны и прежде всего подвержены нападенію непріятеля, то найдете, что стойкая оборона бреши поставленными позади ихъ войсками— дѣло невозможное. Верки выгнуты, слѣдовательно войска для обороны бреши могутъ быть употреблены только на узкомъ валгангѣ. При задѣланіи бреши, значительная часть войскъ устремится съ него, и фронту наступающаго непріятеля можно будетъ противупоставить лишь тонкую линію, упирающуюся тыломъ о крутой откосъ. Въ сторону отъ бреши, валгангъ позволятъ построеніе войскъ не больше какъ по десяти человѣкъ въ ширину; мѣстности для движеній нѣтъ вовсе. Внутри едва ли можно построить одинъ баталіонъ въ боевую колонну, да если бы и была возможность, то обстоятельства не позволили бы этимъ войскамъ принять рѣшительное участіе въ боѣ на валгангѣ. Трудно допустить мысль о прибытіи резервовъ, если войска должны двигаться рядами по покатости или карабкаться на крутой откосъ. Послѣ этого позволительно сказать, что штурмованіе бреши не

можетъ быть остановлено приличнымъ употребленіемъ войскъ.

Иначе было въ Севастополѣ. Убѣдительнымъ доказательствомъ служитъ то, что въ моментъ боя 8-го сентября, на Корниловомъ Бастіонѣ, находилось въ этомъ укрѣпленіи до 20,000 человѣкъ съ обѣихъ сторонъ. Если бы Французамъ не удалось взобраться на Корниловъ Бастіонъ одновременно на всѣхъ пунктахъ, если бы укрѣпленіе сдѣлало необходимымъ условіемъ возстановленіе бреши, то успѣхъ штурма былъ бы, навѣрное, другой при отличномъ мужествѣ Русскихъ, не смотря на храбрость нападающихъ.

При постройкѣ новѣйшихъ крѣпостей сознали важность овладѣнія непріятелемъ бреши, но оборону ея поставили въ зависимость не отъ тактическаго употребленія войскъ, а отъ самыхъ верковъ: построили редюпты и огнемъ ихъ хотятъ воспрепятствовать штурмованію бреши.

Разсмотримъ, соотвѣтствуетъ ли этотъ способъ тактическимъ правиламъ.

Брешь, по самому свойству своему, дефиле трудно проходимое. Если думаютъ защищать это дефиле и при томъ не принимаютъ во вниманіе возможности собственнаго изъ него дебушированія для наступательныхъ дѣйствій; если должно отказаться отъ обстрѣливанія дефиле артиллерійскимъ или ружейнымъ огнемъ, а можно только дѣйствовать на выходъ изъ него—что случается при брешп—то войска надобно построить позади дефиле, чтобы отбросить непріятеля, изъ него дебушпрующаго, сосредоточенною атакою, успѣхъ которой несомнѣненъ, ибо здѣсь обороняющійся можетъ развить значительный перевѣсъ. Нельзя было бы оправдать тактически, если бы захотѣли удержать за собою дефиле только тѣмъ, что стали бы

обстрѣливать выходъ изъ него однимъ или двумя орудіями и отказались бы отъ содѣйствія прочихъ родовъ войскъ.

Именно послѣднее обстоятельство и является въ новѣйшихъ укрѣпленіяхъ, и, въ этомъ смыслѣ, они не соотвѣтствуютъ тактическимъ требованіямъ.

Мы ни мало не отвергаемъ, что редюиты, кромѣ обороны, имѣютъ еще другія важныя цѣли, но по роду ихъ постройки теряется одна изъ существеннѣйшихъ выгодъ обороны. Если впрочемъ думаютъ, что редюитъ дѣлаетъ покореніе верка невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не разрушенъ, то это мечта, для разсѣянія которой достаточенъ фактъ обороны Севастополя. Штурмъ удался только при одномъ веркѣ, имѣвшемъ редюитъ по способу новѣйшихъ построекъ: огонь Малаховой Башни не могъ удержать Французовъ отъ овладѣнія бастіономъ. Было ли то случайно, или способствовали тому причины, доселѣ еще не изслѣдованныя?

По теоріи постройки этихъ редюитовъ, надлежало придать верку, гдѣ они находились, извѣстную степень самостоятельности, которую они должны имѣть впрочемъ и безъ связи съ прочимъ укрѣпленіемъ. Это условливается замыканіемъ горжи, что было и при Корниловомъ Бастіонѣ. Но здѣсь еще другія обстоятельства дѣлали это необходимымъ. Корниловъ Бастіонъ былъ важнѣйшею позиціей русской оборонительной линіи; слѣдовательно, его надлежало обеспечить отъ всѣхъ случайностей. Такъ какъ вся стѣна была подвержена атакѣ открытою силою, то, въ случаѣ вторженія на какомъ-нибудь пунктѣ непріятеля, атака изъ горжи могла подвергнуть опасности удержаніе за собою этого верка. Потому-то мы и находимъ ее замкнутою брустверомъ, обращеннымъ внутрь—мѣра вполнѣ благоразумная при подобныхъ усло-

віяхъ. Гдѣ же не льзя опасаться нападенія открытою силою, тамъ мы не можемъ одобрить такой постройки, основываясь и здѣсь на правилахъ тактики.

Если въ позиціи арміи лежитъ способствующая оборонѣ деревня, то въ бою эта деревня играетъ такую же роль, какъ бастіонъ новѣйшихъ укрѣпленій при оборонѣ крѣпости; рѣшеніе всего боя часто зависитъ отъ обладанія симъ пунктомъ. Если позволяетъ время, деревню могутъ укрѣпить, но, конечно, не замкнутъ верками или завалами сторону ея, лежащую за фронтомъ; напротивъ, употребятъ все къ открытію горжи, чтобы способствовать введенію въ нее резервовъ, сдѣлать возможнымъ вторичное овладѣніе ею, оспорить ее у непріятеля хорошо поддерживаемымъ огнемъ съ помѣщенныхъ позади батарей. Замкнутіе горжи повлекло бы за собою потерю всѣхъ этихъ выгодъ даже и въ такомъ случаѣ, если бы въ деревнѣ находился приличный редюитъ, быть можетъ тѣмъ болѣе, что именно редюитъ облегчаетъ вторичное овладѣніе потерянным постомъ.

Если признаютъ справедливость этого способа въ тактическомъ смыслѣ, и допустятъ, что постройка укрѣпленій должна соотвѣтствовать правиламъ тактики, то согласятся и съ нашимъ мнѣніемъ.

Если бы Русскіе не были вынуждены приведенными выше обстоятельствами замкнуть горжу Корнилова Бастіона, что заставило спѣшившія подкрѣпленія проходить чрезъ дефиле непосредственно предъ боемъ, если бы они могли сильно обстрѣливать все внутреннее пространство этого верка поставленною дальше позади артиллеріей, если бы дѣйствію ея не мѣшала Малахова Башня, то весьма сомнительно, чтобы штурмъ увѣнчался успѣхомъ, хотя

онъ и могъ быть предпринятъ на всемъ протяженіи бруствера, а не чрезъ одну брешь.

Что же касается до того, какъ старались Русскіе, при устройствѣ абшнитовъ, содѣйствовать употребленію войскъ, показываетъ большое протяженіе, данное ими внутреннему пространству верка.

Духъ новой тактики хотѣли перенести и на современныя укрѣпленія; но при этомъ имѣли въ виду одну формальную, а не интеллектуальную часть тактики, воспользовались слѣдовательно не духомъ, а формою, да и то лишь съ весьма односторонней точки зрѣнія.

Дальнѣйшее развитіе столь важнаго предмета отвлекло бы насъ отъ первоначальной темы. Мы поговоримъ объ этомъ скоро въ другомъ мѣстѣ.

Послѣ всего сказаннаго не нужно, кажется, другихъ доказательствъ, какъ важно и полезно для обороны, когда за стѣною главнаго вала находится мѣстность, на которой гарнизонъ можетъ развить свои силы. Если намѣреваются построить крѣпость по тактическимъ началамъ, то открытое пространство за главнымъ валомъ есть дѣло крайней необходимости. Хотя, какъ принято, крѣпость и не называютъ позиціей, однако надобно согласиться, что для боя крѣпость должна имѣть всѣ свойства оборонительной позиціи. Существенное же условіе оборонительной позиціи есть достаточная глубина, чтобы поддерживать и возобновлять бой свѣжими войсками, резервами. Этому-то свойству укрѣпленія обязана оборона Севастополя не малою частію своей славы.

Намъ возразятъ, что тогда крѣпости будутъ обширнѣе и постройка ихъ обойдется дороже. Первое не составляетъ непремѣннаго условія. Положеніе обводной стѣны опредѣляется мѣстностію, или долженствовало бы опредѣляться

ею, ибо часто не бываетъ того. Крѣпости, конечно, будутъ дороже, даже по причинѣ покупки обширнѣйшей мѣстности, если существующія нормы считать неприкосновенными. Но коль скоро инженеръ начерталъ проектъ крѣпости, то прежде всего онъ обязанъ держаться крѣпко правилъ, требуемыхъ военными условіями; государственная экономія есть дѣло другихъ; иначе, пожалуй, станутъ возводить стѣны до того слабыя, что онѣ развалятся, а вѣдь крѣпость должна быть прочна на столько, чтобы не могла обрушиться сама собою. Если же финансовыя обстоятельства требуютъ сбереженія суммъ, а крѣпость все-таки должна быть построена, тогда надобно рѣшить вопросъ: чѣмъ лучше достигнуть экономіи, на счетъ ли внутренней силы верковъ или на счетъ тактическаго ихъ значенія. Въ большей части случаевъ, мы рѣшились бы на первое.

Передаемъ на судъ военной публики наши думы. Цѣль ихъ—воспользоваться интересомъ, вызваннымъ борьбою за Севастополь относительно крѣпостной войны, чтобы обратить на эту важную часть военнаго искусства общее вниманіе. И если прусской арміи суждено будетъ когда нибудь отстаивать валы своихъ крѣпостей, съ Божіею помощію, за государя и отечество, то да увѣнчается она такими же неувядаемыми лаврами, какими увѣнчали себя доблестные защитники Севастополя.

2007111242